

История Бледной Моли

Автор:

Настя Любимка

История Бледной Моли

Настя Любимка

Необыкновенная магия. Шедевры РунетаОрден Магнолии #1

Незаконнорожденная – это не только клеймо. Это и пропуск в Орден Магнолии – пансионат покорных, где мужчины подыскивают себе "кукол" для утех. Место, где жизнь девушек вертится вокруг одного – покровителей.

Инари и Викки не выбирали стезю бесцветных марионеток в мире интриг, государственных тайн и семейных трагедий. Оказавшись под опекой Ордена, девочки вынуждены сражаться по правилам высшего света. Расклад карт не в их пользу, но они играют слишком давно, чтобы не знать простую истину: в каждом правиле – свои исключения.

Настя Любимка

История Бледной Моли

Серия «Необыкновенная магия. Шедевры Рунета»

© Н. Любимка, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава первая

– Инари! – Громовой голос почтенной дамы разнесся над классом.

Мне стоило некоторых усилий изобразить испуг и не сжимать под партой кулаки. Вытянувшись по струнке, сложила аккуратно перед собой руки, ожидая следующего крика.

– Инари!

– Да, сестра Риа, – жалобно проямлила, вскакивая со стула.

– Будь так любезна, – гадко ухмыляясь, начала дама, – назови седьмое правило пансионата.

От лица моментально отхлынула кровь. Сейчас мне даже пудра бы не понадобилась. Кожа бела как мел.

– Повиновение и послушание...

– Дальше, – нервно потребовала сестра Риа.

– Повиновение и послушание во всем своему... покровителю, – последнее слово я буквально процедила. Покровители, горите вы в аду вместе с сестрой Риа!

Тихое перешептывание в классе, косые взгляды пансионерок, их прожигающая ненависть, которую я чувствую всем своим нутром. Спокойно, Инари, ты сможешь. Сможешь доиграть свою роль до конца. Роль запуганного, стеснительного и глуповатого ребенка.

– Какое наказание за нарушение седьмого правила? – ядовито поинтересовалась сестра Риа.

Клянусь, в глазах женщины горел дьявольский огонь! Она предвкушала незабываемое зрелище.

Впервые за столько лет я не смогла заставить себя упасть на колени и вымаливать прощение. Впервые поймала себя на мысли, что роль, навязанная мне названной матушкой, лопается, как мыльный пузырь. Желание вцепиться в волосы женщины, стоящей передо мной, охватило все мое существо. Как же мне хотелось наконец показать этой твари, где ее место!

Тишина в классе остро резала слух. Пансионерки ждали унижения намеченной жертвы. Сердце гулко стучало, и душа рвалась на части. Настенные часы отмеряли последние секунды моей борьбы с самой собой. И я проиграла, понимая, что так будет лучше.

Со стоном упала к ногам почтенной дамы.

– Умоляю, не надо, прошу... простите... – Стон перерос в рыдания.

Сестра Риа брезгливо сделала шаг назад. И мне не оставалось ничего, кроме как проползти вслед за ней, судорожно цепляясь за ее юбку, причитать и молить не наказывать.

Редкие смешки пансионерок переросли в открытый хохот.

Да, я была посмешищем, да, выделялась своей ущербностью среди них. Но не это заставляло окружающих злорадствовать, не это доставляло им удовольствие.

Среди них есть те, кто выглядит более жалко. Дело в зависти: черной, жгучей, отравляющей.

Словно насмешка Господа: у меня три покровителя. Три. В то время как другие имели лишь одного. И только единицы могли похвастать высокородностью их благодетеля.

Чуть вздернув подбородок, сестра Риа приподняла подол платья так, чтобы стали видны начищенные до блеска туфли. Очередное издевательство, через которое мне суждено пройти.

Целование ее туфель прошло под общий гогот воспитанниц Ордена Магнолии. Но мой гнев давно был спрятан в глубине сердца, я не позволю себе сорваться. Не сейчас, не сегодня и не здесь. Моя роль будет отыграна до конца.

Вдоволь насладившись унижением своей воспитанницы, то есть меня, сестра Риа картинно вздохнула.

– Поднимись, Инари, – насмешливо, но в то же время строго потребовала она.

Пару раз всхлипнув, я мстительно утерла сопли о подол платья почтенной дамы и поднялась.

– Ты понимаешь, что мы не можем отпустить тебя без наказания?

– Д-да, сестра Риа, – подтвердила тонким голосочком.

– Но так и быть, вместо плетей ты должна будешь соблюдать трехдневный пост.

– О, благодарю... благодарю, – вновь кинулась я к ногам женщины.

– Прекрати, – поморщилась сестра Риа, – иначе увеличу до пяти.

Я резко отпрянула от своей «благодетельницы».

– Ступай, умойся и возвращайся в класс.

– Да, сестра Риа, – опускаясь в реверансе, прошелестела я и выскочила за дверь.

«Будьте вы все прокляты!» – стучало в висках, пока я бежала в дамскую комнату, щеки пылали, от обиды уже текли слезы. Усилием воли заставила себя остановиться, успокоиться и медленно идти по коридору. До заветной двери оставалось каких-то три шага, когда передо мной выросла новая преграда в

лице директрисы пансионата Ордена Магнолии.

Низко поклониться и не поднимать головы. Стоять и ждать, когда эта старая су... сумасшедшая женщина позволит разогнуться. А она может и не позволить. В ее обычае просто пройти мимо, не удостоив и взглядом, а мне придется стоять в этой позе, пока она не пропадет за углом. И упаси меня Бог, если я встану раньше: удары плетью мне покажутся раем.

Гранд-дама Иветта Лармонг скрылась за поворотом. Подождав еще несколько секунд, я юркнула в туалет.

Орден Магнолии – пансионат покорных. Моя жизнь прошла в его стенах. Незаконнорожденная – вот кто я. И сотни других девушек, вышедших из покровы Ордена Магнолии, также рожденные вне брака.

Этот пансионат был создан более века назад. Первые тридцать лет своего существования поместье являлось обычным монастырем. Но с приходом к власти Арона Бесстрашного религиозная община кардинально изменила свое предназначение. Сюда попросту ссылали плоды греха высокородных. А еще через пятьдесят лет, когда пост директрисы заняла Иветта Лармонг, от привычных устоев не осталось и следа.

Орден Магнолии основали вдовы и бесприданницы благородной крови. Те, у кого были деньги, но не было детей, или те, у кого не было возможности выйти замуж, но имелось образование.

Старые девы и желчные жабы стали воспитывать сирот женского пола.

Все верно, среди покорных были только девушки. И к своему ужасу, могу сказать, что многие хотели попасть сюда на обучение. Образование, которое давалось девочкам, ничем не уступало образованию монарших особ. Мы получали знания во всех областях науки. Если не больше.

До исполнения восемнадцати лет мы проходим общий курс, но после обучаемся согласно направлениям, к которым у каждой из нас имеется талант. Правда, чаще выбор происходил по воле и желанию покровителя. Неудивительно, что большинство девушек вышли отсюда искусными куртизанками.

Злость, что копилась во мне годами, никак не находила выхода. Я сама загнала себя в эту клетку, обещая названной матушке всегда оставаться в тени, не выделяться и не показывать характера. Семнадцать лет я стойко терпела унижения в этом проклятом пансионате, но больше сил у меня нет.

Злобная и завистливая тварь, сестра Риа, – тоже бывшая воспитанница Ордена Магнолии. Абсолютно все знали, что она в свое время была мишенью для издевательств. Как только ее не унижали. Она единственная, кто остался в пансионате после выпуска. В силу природной тупости и уродства сестры Риа ни одно направление ей не подошло, а покровителя у нее не было. Ее бы выкинули на улицу, безжалостно, как ненужную, давно измочалившуюся тряпку, но...

Эта подлая женщина умудрилась оказать какую-то услугу директрисе, и та оставила ее в пансионате, отведя ей роль почтенной дамы при классах общего курса. Она ничего нам не преподавала, только следила за дисциплиной. Была нашей надзирательницей. Уверена, после смерти Риа будет гореть в аду.

И наказание: три дня без еды и воды, три дня без сна! Я яростно терла лицо, смывая с себя злость и раздражение. Холодная вода бодрила и успокаивала. Не в первый раз получаю наказание и, боюсь, не в последний. Покрасневшие, чуть припухшие глаза смотрели на меня из зеркала. Бледные, практически бесцветные губы; тонкий, слегка длинноватый нос; тусклая, полупрозрачная кожа и светло-серые глаза – так выглядит мое лицо.

Бледная Моль, как прозвали меня «подруги»-пансионерки.

Бледная Моль – это результат труда названной матушки.

Я обязана скрывать настоящую внешность. Перекрашивать естественный цвет волос, пользоваться кремами, доводящими мою кожу до жалкого состояния. Применять различные мази, лишь бы стать похожей на серую стену. Хотя и та смотрится лучше.

Никто не помнит, как я выгляжу на самом деле.

До семи лет нас воспитывали на дальней территории огромного поместья. В отдельном трехэтажном доме живут дети с младенчества. После того как им исполняется восемь, девочек отправляют в главное здание на попечение

старших сестер пансионата. Тех, кто выжил, естественно. Ордену нужны сильнейшие, как здоровьем, так и духом.

В детстве я привлекала всеобщее внимание. Девочка-картинка. Директриса называла меня своей Истинной Магнолией. Длинные густые волосы цвета багряного заката, фарфоровая бархатная кожа, рубиновые губы и светло-серые глаза. Последние – единственное, что осталось во мне от прежнего облика.

Сейчас же... даже моль на моем фоне – прекраснейшее создание. Но эта маскировка – часть огромнейшего плана, в котором главная роль отведена мне. Быть отчисленной по достижении восемнадцати лет – это все, чего желала моя душа. И получилось бы, ведь за все годы, проведенные в пансионате, окружающие были свято уверены, что имеют дело не только с уродиной, но и с непроходимой тупицей.

Однако моим планам не суждено было сбыться. Год назад у меня появился первый покровитель. Чем его привлекла Бледная Моль – загадка, то ли он пожалел убогую, то ли позарился на экзотику. Вслед за ним появился второй покровитель, и также благородного происхождения. Если после известия о первом «благодетеле» я еще надеялась на чудо, то после того, как объявился третий, опустила руки.

Для покровителей выпускница пансиона Ордена Магнолии – самый ценный трофей, который они могут получить. За лучших девушек устраиваются аукционы и бои, если сами благодетели того желают. Выпускница должна не только щедро одаривать собой своего покровителя, но и любить по-настоящему. Где еще можно купить настолько подходящую игрушку, которую буквально вырастили для тебя? Поэтому покровители у пансионерок появляются практически сразу после перевода в главное здание. Каждую воспитанницу лепили по образу и подобию желаемого идеала господина. Львиную долю казны пансионата составляют взносы покровителей. Неудивительно, что именно для них из незаконнорожденных делают чуть ли не королев.

Однако со мной все вышло иначе. Мои благодетели появились аккурат перед распределением. Да сократит их года Господь! Как и сестру Риа, меня ждало бы отчисление, ибо те результаты, которые я показывала, не годились для дальнейшего обучения.

Первые три года директриса вздыхала о своей погибшей Магнолии. Названная матушка обставила все так, будто я умерла от ветряной оспы. На самом деле умерла другая девочка, которую и звали Инари. Мне же достались ее документы, а несчастную похоронили под моим именем. К своему стыду, я не помнила жизнь до перехода в главное здание. И даже имени, которым меня нарекли при рождении. Может, благодаря чужой фамилии я черпала силы до конца следовать наставлениям женщины, заменившей мне мать. Ведь Инари – это не я. Я настоящая – совершенно другая.

Я бросила последний взгляд на отражение в зеркале и вышла из дамской комнаты. Лучше поторопиться в класс, иначе новая порция оскорблений и насмешек мне обеспечена.

Вздыхнув, робко постучалась в дверь. Получив разрешение, зашла и тихо скользнула на свое место.

Сестра Риа даже не посмотрела в мою сторону. Она самозабвенно болтала о нарядах послушницы Лиззи, которые ей подарил ее покровитель. Воспитанницы о чем-то перешептывались, я же бездумно водила пером по бумаге, вырисовывая завитушки.

Прозвенел колокол – сигнал поспешить всем на обед.

Женщина, брезгливо поджав губы, громко возвестила:

– Инари, пост начнешь с завтрашнего дня, – и с явным сожалением добавила: – Сегодня можешь поесть.

– Да, сестра Риа. – Я покорно склонила голову. – Благодарю.

Внутри клокотал гнев. Наказание за что? За то, что отказалась пользоваться принесенными покровителем мазями?! Раз не устраивает моя внешность, какого черта было брать меня под свое крыло?

Хмыкнув себе под нос, надзирательница царственно удалилась из класса. За ней потянулись воспитанницы. Когда в комнате осталось шесть человек, включая меня, осознала: дело плохо. Пансионерки вновь решили повеселиться за мой

счет.

Ярость туманом застила глаза. Зачем продолжаю терпеть, если меня уже точно не выгонят? Каждый из трех благодетелей подписал договор на прошлой неделе. Для чего мне дальше играть забитую, глупую уродку?

Мой мозг лихорадочно подбирал новые аргументы в пользу выбранной роли, но разум и логика твердили обратное: эта игра больше не имеет смысла. Я сдалась, находясь в шаге от цели, когда желанный трофей – моя свобода была практически в моих руках. Проиграла избалованным властью мужчинам. Ну зачем, зачем им уродина?

– Моль! – Окрик Глории вывел из раздумий. – Как ты смеешь игнорировать Викки!

Задумавшись, я позабыла о воспитанницах, но они обо мне не забыли.

– Моль, ты знаешь, что сейчас будет? – радостно спросила Викки, пока Парватти запирала дверь изнутри. Остальные трое надвигались на меня.

Не дожидаясь моего ответа, Викки деловито раскладывала на столе орудия пыток. Тонкие длинные иглы, нож и спички.

Ясно, девочки решили сделать меня лысой, но, кроме того, еще и лишить возможности писать. Иглы предназначены для пальцев, точнее, ногтей. Однажды мне довелось пройти через это, и память о последствиях еще жива. А нож, наверное, для того, чтобы полностью превратить в уродливое существо.

Все, с меня хватит! Прости, названная матушка, сегодня я отказываюсь от навязанной роли.

Подняв голову, лучезарно улыбнулась во все тридцать два зуба. Если, конечно, это количество у меня имеется. Я могла и на сто улыбнуться. Сейчас эти мрази отведают собственного зелья на вкус. Мой вид немного смутил воспитанниц, но они, видимо, решили, что это очередной безумный припадок Бледной Моли.

– Будет весело... – прошептала я и уже громче добавила: – Мне.

Глава вторая

Кабинет директрисы Ордена Магнолии

– Сестра Риа, где Инари? – рявкнула разозленная директриса.

Пять дней Иветта Лармонг не находила себе места. Драка, учиненная послушницами, принесла столько проблем в ее устоявшийся мирок, что гранд-даме пришлось обратиться к лекарям. В ход пошли травяные настои, от которых нещадно болела голова и клонило в сон. Мало того что пришлось несколько суток банально проспать, так еще и главная виновница случившегося пропала.

Воспитанницы, устроившие истязания, находились в лазарете, где им оказывалась всяческая помощь. Но Бледной Моли среди них не было, хотя она должна была пострадать больше всех. Главный лекарь добил заявлением, что эту девушку к ним вообще не приводили.

У директрисы закралось подозрение, что сестра Риа лжет, обвиняя Инари в побеге. Да и в объяснения, что девчонка напала на наставницу, совершенно не верилось. Бледная Моль на такое не способна, она только туфли облизывать может.

От этой мысли почтенная гранд-дама скривилась. Сколько послушниц прошло через ее руки, но такой девицы еще не было. И что в ней нашли высокородные? Если бы не их решение, Инари была бы отчислена. Ее отказались взять даже в бордель, настолько она не приглянулась хозяйке.

И вот ее, Иветты, золотая жилка куда-то пропала! Да если с Инари что-либо случится, первой, с кого полетит голова, будет именно директриса. С такими людьми, как покровители этой девчонки, не шутят.

– Риа, тварь безмозглая, где Моль? – нависая над провинившейся, прошипела Иветта Лармонг.

– Матушка, простите меня, простите... – кинувшись ей в ноги, застонала Риа. – Она в подвале.

– Что?.. – поперхнувшись воздухом, прохрипела гранд-дама.

Она, не сдерживаясь, вlepила оплеуху стоящей на коленях женщине, а затем с нескрываемым удовольствием пнула ту в живот. Стонущая от боли сестра Риа валялась на полу и орошала слезами ковер.

Красная от гнева директриса схватила колокольчик и со всей силы потрясла его.

– Райде! – яростно крикнула Иветта Лармонг. – Райде!

В комнату ворвалась одна из наставниц пансионеров.

– Звали, ваша милость? – пряча глаза, спросила вошедшая.

– У тебя со слухом проблемы?! – взвизгнула гранд-дама. – Немедленно отправь Летту, Арию и Ансель встречать гостей. Покровители Инари явились. И пусть они займут их разговорами... как можно дольше!

– Но...

– Исполнять!

– Да, – поклонилась сестра Райде и вышла, бросив короткий взгляд на причитающую сестру Риа.

Как только дверь закрылась, директриса нервно заходила по комнате.

– Поднимайся, тварь, – прошипела она.

Риа не заставила повторять дважды.

– Я оставила тебя здесь, в то время как ты не нужна была никому. Ты – ничтожество, получила теплое место и работу, вызывающую почтение общества.

– Я ваша дочь! – заливаясь слезами, выдала Риа.

– Нет! Ты тварь, удостоившаяся чести быть рожденной мной.

– Матушка...

– Не смей меня так называть! Я оставила тебя здесь, но более не потерплю твоего присутствия! Убирайся!

– Матушка! – Риа снова бросилась в ноги директрисе.

Иветта Лармонг брезгливо отпихнула женщину.

– Убирайся!

Сестра Риа медленно поднялась с пола, ее взгляд наполнился злой решимостью.

– Не посмеете! Иначе я все расскажу!

– У тебя два часа на сборы, – отчеканила директриса.

По тону гранд-дамы и ее взгляду Риа поняла, что совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Ее мирные деньки закончились. Эта женщина уничтожит ее, уже уничтожила! А виной всему Бледная Моль! Не произнося ни слова, сестра Риа вылетела из кабинета.

Всего мгновение, и мой мир потускнел. Исчезли привычные краски. Ощущение беспомощности с каждым днем только росло. Слепая! И дура к тому же!

Самоуверенная девчонка, пропустившая момент нападения! И как итог – слепота. Пятые сутки я ругаю себя. Жаль, мои стенания не помогут. Только злость поддерживает сознание и не дает скатиться в бездну отчаяния. Страх, будто черное пятно, прячется в самой глубине сердца, расползаясь с наступлением вечера. Но... я держусь и не позволяю истерике вырваться наружу.

Пусть и не вижу, но точно знаю, что заточена в подвале пансионата. Это не первое мое пребывание здесь. В памяти сохранились очертания камеры. Каменные серые стены, маленькое окошко с решетками, чтобы поступал воздух. И койка из железных прутьев, без матраса.

Вой метели – моя колыбельная. Зима в этом году ранняя и лютая. Сильные ветра и колкий мороз. Я плотнее укуталась в тряпку, когда-то имевшую вид простыни. Прислонившись к стене, в очередной раз задумалась над тем, что учинила в классе.

Поведением Бледной Моли случившееся не назовешь. Пусть в рассказ пяти девушек не особо верится, но тем не менее в подвал отволокли только меня.

Надеюсь, глаза восстановятся. Воспитанницы все же воспользовались огнем. Ресницы и брови у меня опалены и слегка задеты зрачки. Как сказала надзирательница, директриса не пожелала выкидывать деньги на мое лечение, распорядившись запереть меня в камере до выяснения всех обстоятельств.

Пятый день выясняют... А по мне так пусть совсем забудут о Бледной Моли!

Плохо только то, что срок действия мазей и кремов подходит к концу. И когда я выйду отсюда, моя внешность кардинально изменится: проявятся темно-красные корни волос, а кожа потеряет свой мутно-серый оттенок и снова станет белой. Впрочем, мне уже все равно.

Выражение страха и бессильной ярости на лице сестры Риа греет мою душу. Да, она оклеветала меня, обставив все так, будто бы я напала на нее, но... ее растерянность и ужас – достойный подарок тому, кто является вечным предметом для насмешек.

По сути, мне повезло отделаться сущей ерундой. Глаза я открыть не могу из-за гноя. Но стоит его вычистить и приложить примочки, пропитанные целебным отваром, все пройдет. Девочкам же пришлось намного хуже. У Викки сломана рука, у Глории несколько ребер. Тиара лишилась передних зубов, ее встреча со столом навсегда останется у нее в памяти. Парватти получила те самые иглы себе же под ногти. А вот Люсинда ощутила всю прелесть сотрясения мозга. Да, жалости во мне нет ни капли.

Я с огромным усилием поборол желание потереть веки. Прикоснувшись – сделаю хуже. Сколько заразы на моих грязных руках, думать не хочется. Все эти пять дней заточения ко мне относились как к собаке. Из еды – объедки со стола воспитанниц, помыться и даже умыться позволено не было.

Масштаб катастрофы в глазах директрисы просто неимоверен. Подпорчен ее товар – пансионерки. Тех, кого еще можно привести в надлежащий вид, – приведут, а вот миловидная Тиара без передних зубов теперь наверняка останется без покровителя.

Меня бы наказали намного строже, если бы поверили словам девочек. Чтобы Бледная Моль могла в одиночку покалечить пятерых воспитанниц, ей как минимум должны были дать в руки кинжал. И в этом есть свой плюс. Никто не станет ожидать от Моли удара и тем более того, что она может дать отпор.

Дверь моей камеры противно заскрежетала, послышался щелчок отворяемого замка и чьи-то легкие шаги.

Я не стала оборачиваться к посетителю, все равно не увижу, а все, что он хочет сказать, – скажет моей спине.

– Инари, деточка... – мягкий обволакивающий, давно забытый голос.

Неужели уши обманывают? Откуда она здесь?

– Матушка Гелла? – прохрипела, все еще не веря неожиданному счастью.

Я не успела повернуться, как меня уже обнимали теплые руки названной матушки.

– Откуда? Как вы оказались здесь? – Я не скрывала своих слез и нежно прижималась к женщине.

Пять лет назад матушка Гелла покинула пансионат. Она входила в число няnek и гувернанток, приставленных к нам, малюткам, на окраине поместья. Но вместе с моим переводом в главное здание перевелась и она. Преподавая мне и моим одноклассникам азы грамоты и письма, сердечная женщина занималась со мной дополнительно по всем предметам, позволяя обогнать сверстниц.

Именно матушка Гелла первое время собственноручно красила мои волосы, смазывала мое тело вѣдливymi мазями и обесцвечивала губы.

В последний год, который мы провели вместе, она обучила меня премудростям наложения грима. Как же бесилась сестра Антония, когда на ее уроках мастерства маскировки ни одно косметическое средство не брало меня. Цвет кожи не выравнивался, а даже наоборот, все смотрелось рваными ранами или лишайными пятнами. Единственное, что поддавалось ее рукам, – это мои волосы. Ох, и оторвалась она на них! Я всерьез опасалась, что останусь с соломой на голове или вообще облысею.

Но опасения сошли на нет, названная матушка вместе с мазями передавала мне все необходимые лечебные маски.

Возможно, кому-то покажется странным: откуда у пансионерки косметические и многие другие средства. Нет ничего проще для того, кто проработал многие годы в Ордене Магнолии, передать все через друзей. Что матушка Гелла и делала – через прачку, кухарку и конюха мне доставались снадобья. У последнего я, кстати, и натиралась всеми снадобьями раз в месяц.

Тогда, пять лет назад, матушка покидала пансионат с тревогой в сердце, сказав, что сильно заболела ее близкая подруга. Но, даже присматривая и ухаживая за ней, она не забывала обо мне.

Я и представить не могла, насколько скучала по ней! Мне, бастарду, никогда не знавшему любви и ласки настоящих родителей, была подарена Небесами любовь этой женщины. Двенадцать счастливых и радостных лет, несмотря на детскую жестокость. У меня была она – сестра Гелла, и все прочее меркло на ее фоне. Она вернулась, когда я уже опустила руки. Может, это знак, что еще рано

сдаваться?..

– Вы вернулись... насовсем? – задала вопрос, который мучил меня.

Матушка долго не отвечала, я начала беспокоиться.

– Да, мое сокровище, – наконец произнесла она.

– Господь услышал мои молитвы, – выдохнула я и вновь прижалась к женщине.

Слезы счастья катились по щекам. Это просто невероятно! Она останется со мной!

– Не плачь, моя хорошая, не плачь, – касаясь моего подбородка, шептала матушка. – Что это?

В этот момент она провела пальцами по моим глазам.

– Инари? Немедленно к лекарю!

Схватила меня за руку и потащила к выходу. Словно кукла, я плелась следом, потому что сил нормально передвигаться не было. Я переоценила свои возможности и зря столько дней провела, сидя на кровати. Организм истощен, да и нервы на пределе.

Сознание ускользало. Последнее, что уловил мой слух, – вскрик директрисы. Или это развлечение больного мозга?

Одна из гостиных пансионата

– Прекратите! – твердым тоном потребовал мужчина.

– Не могу! Вы же ее видели! Что они с ней сделали?

– Она поправится, в пансионате не место слабым.

– Не место слабым?! – процедил сквозь зубы молодой человек.

– Во имя Света, Анкорн, успокойся! – властно приказал третий собеседник, до этого спокойно сидевший в кресле у окна.

Казалось, его совершенно не волновало происходящее: ни откровенная ярость друга, ни вежливые попытки Карленда успокоить бушевавшего Анкорна.

Мужчины, чьи судьбы пересеклись по воле случая: Анкорн ди Серрейа, Карленд си Анрейд и Алерайо тер Фантойер. Никто не мог подумать, что однажды у лордов появится общая цель.

Три личности, будоражившие всю Северную Ирмену, чья репутация ни разу не дала трещин. Те, кем восхищались и... кого боялись.

Анкорн ди Серрейа – вице-канцлер Арона Бесстрашного. Должность канцлера при дворе Его Императорского Величества занимал отец Анкорна, который уже подумывал об уходе на заслуженный отдых, а на его место претендовал сын. Несмотря на свой слишком «живой» характер, который, впрочем, в полной мере проявлялся, когда дело касалось лишь близких, молодой ди Серрейа стал бы достойным преемником. Высокий, худой, со светлыми кучерявыми волосами, овальным, слегка заостренным к подбородку лицом, широким лбом и большими глазами янтарного цвета. Эти глаза вводили в заблуждение каждого, кто хоть раз заглянул в них. Теплые, притягательные, чуть наивные, казалось, их обладатель прост и добродушен. Жулики всех мастей, а таких среди знати немало, в предвкушении выигрышного дела потирали ладони. Но с первым же словом, произнесенным тихим, проникновенным голосом, вроде бы даже безучастным, души нечистых на руку леденели. Те, кто хорошо знал Анкорна, с уверенностью говорили, что единственный признак, по которому можно понять, насколько плохи дела, это потемневший взгляд вице-канцлера. В остальном же этот человек полон загадок и противоречий. Ему не было присуще поведение, принятое в обществе аристократов: он не волочился за юбками, его нельзя было

обвинить в излишней любвеобильности. Как и отец, Анкорн придерживался принципа «не гадить там, где спишь», а измена – не что иное, как самая настоящая гадость доверившейся женщине. После очередного тайного задания он вернулся в столицу с очаровательной девушкой, которая и заняла место его любовницы. Пять лет она является его содержанкой, что устраивает обоих.

Карленд си Анрейд – Первый Маршал Северной Ирмены, был удостоен этого звания в сравнительно молодом возрасте – тридцати пяти лет. В ходе Аддаранской войны показал блестящий ум и выдержку, силу и волю, «железное» руководство вооруженными силами. Взятие Холменского бастиона, где численность противника превышала количество солдат Арона Бесстрашного более чем в полтора раза, и решающая битва на переправе Трех Путей, выигрыш в которой переломил исход войны. Но это не единственные заслуги Маршала. За пятнадцать лет под его командованием сухопутная армия Северной Ирмены изменилась до неузнаваемости. Карленд си Анрейд ввел не только новые реформы, естественно, одобренные Его Императорским Величеством, но и поднял армию на новый уровень. Стать солдатом мечтал каждый мальчик, а быть под командованием самого Маршала – цель, к которой многие стремились с завидным упорством. Неудивительно, что гарнизон, прозванный в народе «Несущие смерть», состоял из самых лучших, самых сильных воинов. Там, где ступала нога данного гарнизона, мгновенно вывешивался белый флаг. И только самоубийцы вступали в бой.

Карленд си Анрейд в совершенстве владел всеми видами холодного оружия, был бесспорным победителем во всех кулачных боях. Но пять лет назад практически отошел от дел. Никто не воевал против Северной Ирмены. У каждой страны, мало-мальски привлекательной для Арона Бесстрашного, был заключен с ним мирный договор. Нейтральным государством, таким же независимым, как Северная Ирмена, был Южный Крест. Впрочем, Арона он не интересовал, отчасти из-за протяженности территорий, отчасти из-за несовпадения интересов. Южный Крест не вмешивался в дела Северной Ирмены, в свою очередь, Северная Ирмена заключила пакт о ненападении с южным соседом.

Последние пять лет лорд Карленд си Анрейд занимался своими «детьми», как он называл солдат: бесконечные тренировки, а также лекции по военной теории, проходящие в Императорской Военной Академии.

И вот неожиданно для всех человек, который, несмотря на свой возраст, выглядел молодо, в один миг состарился. Его черные, с вишневым отливом волосы поседели, лоб покрыла цепочка глубоких морщин. От уголков серых невыразительных глаз протянулись к вискам гусиные лапки. Его крупный рот с тонкими губами, ранее часто расплывающийся в искренней и теплой улыбке, все чаще был плотно сжат.

Занятия в Академии прекратились. Маршал покинул столицу, переехав в поместье, находящееся в пригороде. Мужчина, волновавший умы многих прекрасных дам, и мужчина, за которым всегда велась охота, был одинок. Он не имел ни жены, ни детей, ни даже любовницы. Настоящая причина такого положения крылась в сердечной ране, а не в «особых» пристрастиях, приписываемых Маршалу дворцовыми сплетниками.

И третий мужчина, связанный с двумя не только положением, но и возможностью вершить их судьбы. Человек, право которого мог оспорить только император, не в силу статуса, а из-за отцовской доброжелательности. Все верно, Алерайо тер Фантойер, третий сын Арона Бесстрашного, рожденный от наложницы, но признанный наследником Северной Ирмены, стал третьим покровителем Бледной Моли. Внешностью наследный принц пошел в мать. От нее он взял смоляной цвет волос, тонкий нос и овальную форму лица. Лишь синева глаз досталась от отца. Многочисленные поклонницы называли Алерайо ледяной статуей, настолько завораживающе холодным казался его облик. Он был притягательно красив, но ни в его движениях, ни в его словах не было теплоты. Принц сыскал себе славу жестокого, однако справедливого человека. В отличие от его друга Анкорна сына императора не волновала такая мелочь, как репутация женщины и ее душевное равновесие. Если воздыхательница настойчиво добивается внимания наследника в постели, то именно там она его и получит. Калейдоскоп сменяющихся женщин, из которых ни одна не сумела зажечь огонь любви в его сердце.

Три личности связали судьбы воедино. Появление общей цели и желания обладать одной пансионеркой не оставляло сомнений, что в будущем это будет крепкий союз, но вот кого – врагов или все же друзей?

Глава третья

Всю мою болезнь матушка Гелла не отходила от моей постели. Я была слишком самоуверенна, решив, что с моими глазами не случилось большой беды. Но после всех лекарств, которыми мне их промывали, и тех, что приходилось принимать внутрь, я по-прежнему ничего не видела.

С одной стороны, мне было страшно навсегда остаться слепой, а с другой, я понимала, что калека теперь не понадобится ни трем высокородным покровителям, заявившим на меня права, ни кому бы то ни было еще. Слишком малый с меня спрос.

Теплая успокаивающая рука матушки действовала сильнее любого снотворного. Как только меня накрывала паника, она нежно касалась моей щеки, что-то шепча, и я засыпала.

Я потеряла счет времени. Сколько я находилась в лазарете? День, два, неделю, месяц?

Все слилось в одну точку, темную и всепоглощающую. Часто наведывалась директриса, притворно сюсюкая, справлялась о моем здоровье. Но, услышав о том, что положительной динамики не предвидится, горестно вздыхала, и, как мне казалось, совершенно искренне.

Пугающая, засасывающая мгла вместо привычного окружения иногда наводила бесконтрольный ужас. Но я нашла плюс в сложившейся ситуации – тишина и покой. Все мои чувства обострились. То, что ранее было недоступным, ураганом ворвалось в мой внутренний мир. Слух стал тоньше, позволяя улавливать не только происходящее в комнате, но и за ее пределами. Я слышала шорохи бушующей метели за окном, тихие шаги пансионеров и наставниц в коридоре. Но горечь от осознания своей беспомощности накатывала волнами. В такие моменты мне хотелось вгрызаться в землю до крови, чтобы почувствовать себя живой. Мои достижения и знания стали пустыми. Зачем они мне, если я не вижу?

Я отчаянно хотела прозреть и боялась оказаться выкинутой на улицу, будучи слепой. Да... у меня появилось время подумать о своей судьбе. Нужна ли я буду матушке, если так и не сумею разглядеть окружающий мир? Будет ли она моей опорой? Я верила ей, как себе, но... мир жесток. Это я хорошо усвоила. Что видела Бледная Моль за все двенадцать лет? Боль и унижения. В этом чертовом пансионате не было никого, кто протянул бы мне руку помощи. Ни одна из сестер, ни одна из воспитанниц. Никто. И этого я тоже не забуду.

– Инари, – позвала меня матушка Гелла.

Вчера меня наконец выписали из лазарета. Я не слышала, как она вошла. Странно, учитывая, что вслушивалась в малейший шорох.

– Что говорят лекари? – в который раз спросила я.

– Все будет хорошо, – тоном, не терпящим возражения, произнесла она. – К тебе посетители.

– Кто? – удивленно выдохнула я и немного иронично добавила: – Кто решил навестить Бледную Моль?

– Не называйте себя так, леди. – Мягкий мужской баритон разлился по комнате.

От неожиданности я вздрогнула.

– С кем имею честь?..

– Карленд си Анрейд, – представился вошедший.

Мой покровитель! Тот самый, кто первым подписал договор с пансионатом и с кем я еще ни разу не виделась, потому что он не желал встречи со мной. И я втайне надеялась на то, что этот господин передумает брать меня под свое крыло.

Шутка ли, главный Маршал страны, а выбрал меня! Я мечтала, чтобы его покровительство оказалось ошибкой, но нет. Он упорно переводил мне деньги, присылал наряды, которые я тут же отсылала ему обратно, а меня за это

жестoko наказывали. Через год нашей гонки я проиграла. Появились еще двое благодетелей. Сражаться с тремя мужчинами я не смогла. И только последний, третий, будто издевался надо мной. Нет, он не приходил часто, но именно его визиты безмерно меня раздражали. Он всегда приносил с собой мази, дабы я пользовалась ими, чтобы из страшной невзрачной девушки стать пусть и не прекрасным, но симпатичным существом.

– Вижу, мои подарки пошли вам на пользу.

Я вздрогнула повторно. Как я могла пропустить шаги еще одного визитера?

Его подарки! Если бы! Просто матушка Гелла почему-то перестала втирать мне «нужные» мази, и мой внешний вид постепенно возвращался к первоначальному. К сожалению, имя этого господина мне было неизвестно, как и внешность, он всегда приходил в маске, но вот его голос я узнаю из тысячи.

– Или... – вдруг засомневался он.

– Не пугай юную леди. – Еще один мужчина вмешался в диалог.

Мой второй покровитель, которого я видела лишь единожды.

– Я бесконечно рад, что вы идете на поправку. – И столько теплоты было в его голосе, что я невольно улыбнулась.

– Благодарю, – нежно прошептала в ответ.

Почему-то все трое зашлись кашлем. Что такого я сказала? Или их смутил мой вид? Я не раздета, матушка Гелла несколько часов назад помогла мне принять ванну и привести себя в порядок. Да, хоть и сидела в кресле, но если платье и помялось, то они этого увидеть не могли: я не вставала!

Раньше я ютилась в комнатухе, где даже окна не было. Каморка под стать моей внешности. Сегодня же... мне предоставлены три комнаты: спальня, кабинет, где я могу заниматься, и гостиная, куда могу приводить друзей, которых, к слову сказать, и нет. Мне не нравились эти изменения. Я давно подозревала, что моей игре пришел конец. И старая роль Бледной Моли

уступает место новой. Вот только какой?.. Пока ответа на это у меня не было.

Я услышала звуки переставляемых стульев и поняла, что лорды расположились напротив меня.

Зачем они здесь? Разве им не известно, что по окончании моего обучения в пансионате им придется бороться за право обладать мной? Сразу троим меня не отдадут. Лишь одному.

Атмосфера в гостиной накалилась. Я кожей чувствовала, как напряглись мои визитеры, но упорно продолжали молчать. Мне же как хозяйке комнаты стоило развлекать гостей разговорами, однако я их не звала и даже под угрозой смертной казни рта не открою. Может, они поймут, насколько я плоха в роли леди, и сами откажутся от меня? Вот, смотрите, насколько я ущербна, что даже не могу элементарную тему для беседы придумать. Вставайте, лорды, и идите по своим делам, не забыв заглянуть к директрисе и расторгнуть ваши договоры.

– Инари, – первым нарушил молчание второй покровитель, тот, чей голос мне очень нравился, – позволишь тебя так называть?

– Конечно. – Я не сумела подавить улыбку. – Вам я не могу отказать.

Я специально ответила именно так. Право называть меня по имени и обращаться на «ты» остальные двое получат либо после того, как я выйду из пансионата и окажусь в руках одного из них, либо когда они его заслужат.

– Стало быть, нам, юная леди, вы такой привилегии не даете? – ничуть не иронизируя, спросил лорд Карленд.

Я посчитала лишним что-либо отвечать. Пусть мое поведение и не является эталоном, но я действительно не хочу фамильярности с их стороны.

– Что ж, леди Инари, мы потревожили ваш покой, имея на это вескую причину – ваше дальнейшее обучение, – так и не дождавшись от меня ответа, продолжил первый покровитель.

Удивилась, даже не сделав попытки скрыть это. Конечно, я не вижу мужчин, перед моими глазами тьма, но им-то хорошо видны эмоции на моем лице.

– Не стоит так удивляться, – хмыкнул третий покровитель.

У меня зачесались кулаки. Вот странность, но именно этот мужчина выводит меня из себя, заставляя раскрыть истинные чувства, и только с ним мне хочется стянуть маску безразличия и как следует стукнуть его!

– Итак, – громко, слишком громко сказал второй покровитель, – мы здесь для того, чтобы узнать, какие направления дальнейшего обучения ты предпочитаешь.

Быть не может! Они предлагают мне самой выбрать предметы? Неслыханно!

– Вы... уверены в своем решении? – все же решила уточнить я.

– Да, – хором ответили мне.

– Но... в любом случае уроки любви вам изучать придется. Такова моя воля! – добавил третий благодетель.

Вот она, ложка дегтя в бочке меда. Я уже говорила, что ненавижу третьего покровителя? Нет, я их всех ненавижу. Но его втройне сильнее! Молча кивнула и сжала кулаки.

– Мы против, – вдруг вмешался лорд Карленд.

– Не обсуждается! – холодно бросил мужчина.

– Это мы еще обговорим.

– Нечего обсуждать. На мой взгляд, ей... – тоном, каким он упомянул меня, говорят о грязи под ногтями, – только этому учиться и стоит.

– Да как ты смеешь! – взорвался мой второй покровитель.

В том, что он был в ярости, я не сомневалась. Упал стул. Думаю, именно тот, на котором мужчина и сидел.

– Лорды... – тихим голосом произнес Маршал, – вы пугаете юную леди.

В этот момент мне хотелось только одного – исчезнуть. Может, это сон? Тогда ущипните меня, пожалуйста! Где это видано, чтобы покровители боролись за мою честь? Ведь третий гад не может не знать, что подразумевают уроки любви! Конечно, искусству обольщения я бы поучилась, но... лорд требует полного освоения данного аспекта жизни между мужчиной и женщиной! Мне ли не знать, как обучают воспитанниц? Обычно это направление для своих «избранниц» заказывали покровители, содержащие элитные бордели. Конечно, не каждую девушку отдадут на растерзание специфической публике, за самых лучших – талантливейших и красивейших – ведется борьба. И лишь директриса Ордена Магнолии решает судьбу подопечной пансионата. Если у нее за определенное время не появится покровитель из числа высокородных, готовый заплатить небывалую сумму золотых, аукцион устраивается между борделями.

Мерзко? Несомненно, но такова наша жизнь. Жизнь покорных.

В гостиной повисла напряженная тишина. Я слышала, как один из мужчин со свистом втягивает воздух, а второй постукивает ногой по полу. Вот только третий оставался абсолютно спокойным. И я не сомневалась, что это именно он самый главный гад в моей жизни.

– Прекратите! – наплевав на все приличия, потребовала я. – Каждый из вас имеет полное право распоряжаться моей жизнью... во время дальнейшего обучения и нахождения в стенах пансионата, естественно.

«А потом это право перейдет к кому-то одному», – тоскливо подумала я, но вслух не сказала.

– Я благодарна вам за возможность выбрать те предметы, которые мне хотелось бы изучить. – Я сделала паузу, облизав пересохшие губы. – Но если я правильно поняла, у каждого из вас есть свое условие. Вы могли просто предоставить мне его в письменном виде, а после подписать нужные бумаги, подтверждающие ваше согласие. Однако вы предпочли встретиться лично и обсудить этот вопрос со мной. Господа, я жду ваши рекомендации. Один из вас только что свою дал.

Если до этого была оглушающая тишина, то после моих слов она стала гробовой.

Конечно, разве можно было ожидать от Бледной Моли правильных суждений. Убеждена, моя догадка верна: каждый из лордов желал получить нечто конкретное.

Первый хлопок. Кто-то из мужчин начал аплодировать мне. Издевательски. Медленно. Словно хотел подначить мое самолюбие. Но чего нет, того нет. Я не себялюбива, и для гордыни в моей жизни тоже места нет.

Я ждала дальнейшего развития событий. Какие условия будут у остальных? Неужели они полагали, что, дав мне призрачный шанс решать самостоятельно, смогут приручить меня? Глупо! Трижды глупо! Только почему мне все больше кажется, что последний покровитель не стал ходить вокруг да около, сразу обозначив, каким хочет видеть конечный результат усилий сестер Ордена Магнолии? А двое других будто присматриваются ко мне и примиряются с моим существованием. Не я им себя навязала! Это они ворвались в мою жизнь ураганом, не оставив от иллюзий и надежд и следа.

– Итак, уроки любви – первое. Дальше?.. – не выдержав, пришла я на помощь стушевавшимся лордам.

– Создание ядов и нейтрализаторов, – откликнулся второй покровитель.

И голос у него был далеко не веселым и притягательным. Холодный и отстраненный. Будто он сам не рад тому, что сказал.

– Боевые искусства, – подал голос лорд Карленд си Анрейд. – Техника отшельников.

Я вздрогнула. Техника отшельников – техника наемных убийц. Кого из меня хочет сделать этот мужчина?!

Как же мне сейчас хотелось взглянуть на лица своих покровителей! Первому подавай убийцу, второму – подкованную в ядах даму, третьему – жрицу любви! Господа лорды, да вы обнаглели!

Да, наш Орден славится тем, что дает знания абсолютно во всех областях. Но невозможно за оставшийся год впихнуть в одну юную голову столь серьезные сведения!

– Это все? – отстраненно уточнила я.

Нет, покровители, моих эмоций вы не увидите. И тем более я не стану отказываться или рыдать.

– Но ведь ты еще не сказала, какие предметы интересны тебе, – вызвал огонь на себя второй покровитель.

– Я должна выбрать немедленно или у меня есть время подумать?

– Да, конечно, есть... – глухо проговорил первый.

– Вы можете внести любые предметы, согласие мы подпишем, – перебил Маршала третий покровитель.

Ох, ну спасибо тебе, главный гад.

– А теперь прошу меня простить, но должен покинуть ваше общество.

Гад произнес это скучным будничным тоном. Причем он не дождался положенных ответов ни с моей стороны, ни со стороны двух лордов. А это не просто дурной тон, это неслыханная наглость! Неужели у него больше власти, чем у других покровителей? Я невольно поежилась. Не дай бог попасть в его распоряжение. Скучной мою жизнь тогда точно не назовешь: меня либо казнят за убийство, либо покровитель сам прибьет.

Я рассчитывала, что и остальные уйдут следом. Однако они остались и, кажется, даже вздохнули с облегчением.

Молчание затягивалось. Мои пальцы самозабвенно теребили передник. Нет, я не нервничала и совсем не боялась. Я думала. А для меня этот процесс всегда сопровождался рукоделием или, вот как сейчас, бесцельным копошением в ткани.

Что же вам нужно? Какую роль вы хотите навязать мне? Нет, с третьим покровителем все ясно – официальная любовница, его интересует именно это. Противно, зато честно. Кукла, не имеющая из желаний ничего, кроме нарядов и драгоценностей. Украшение для спальни. К сожалению, эта роль мне не по зубам. С ней я уж точно не справлюсь. И не потому, что мне жаль моего тела и чести, нет. Я всегда знала, ради чего терплю и страдаю и о том, что есть конкретная цель для моих поступков и послушания. А в данном случае ее нет. И мотивации тоже.

Да, у меня нет гордости. Да, за двенадцать лет, которые прошли в истязаниях, я ни разу не воспротивилась ни одному из унижений. Безропотно сносила все, на что была способна человеческая злость и глупость. Да, я терпела и продолжала бы терпеть и дальше, четко зная, к чему ведут мои действия. Моя свобода – приз, который стоил и гордости, и красоты. Но... что я получу, став любовницей высокородного? Крышу над головой и полный желудок? Разве оно того стоит? Любовница не имеет права на женское счастье: ей нельзя рожать детей, нельзя иметь подруг, нельзя покидать дом, в который ее поселят. Жизнь взаперти, подальше от чужих глаз – такова участь большинства девочек из пансионата. Слишком мало тех, кто стал хоть немного счастливой за пределами Ордена Магнолии. Я знаю лишь об одном высокородном господине, женившемся на выпускнице, которую здесь вырастили именно для него.

Луиза Ливорская была младше своего покровителя на двадцать лет. И какая радость юной красавице иметь в мужьях старика, дети которого – ее одногодки? Это наказание. Пусть и не на всю жизнь, но... Быть личной рабыней, выполняющей любые требования мужа, лишь бы он не исключил ее из завещания?.. Да, после его смерти она стала богатой. Богатой вдовой. Но для этого Луизе пришлось прислуживать двадцать лет. И какими были эти годы для нее, знают только Бог и она сама. Лишь седина, полностью покрывающая ее голову, приоткрывает завесу ее жизни.

Нет, я точно знаю, что не смогу стать любовницей. Мое существо противится этому. Жизнь затворницы – не для меня. И если я достанусь третьему покровителю, между нами будет борьба, в которой, несомненно, проиграю. Силы не равны. Но... у меня есть год, чтобы обдумать каждый из предлагаемых вариантов, а заодно разгадать, что нужно остальным двум.

Раздался бой настенных часов: полдень, время обеда. Вряд ли этим господам придет в голову, что мне хочется кушать. И им уж точно неизвестно, что леди, сидящая перед ними, не завтракала. Я сжала руки и открыла глаза. Конечно, ничего не увидела, но дружный вдох мужчин меня порадовал. Еще бы, кому понравится пустой взгляд блеклых глаз?

Я терпеливо ждала, даже перестала мучить несчастный передник. Такими темпами он совсем потеряет привлекательный вид. Матушка Гелла этому вряд ли обрадуется, а огорчать ее не входит в мои планы. Как же надоело отсутствие красок в жизни! Вечная пелена перед глазами, которая раздражает, но с которой приходится смириться. Слишком много смирения требует от меня судьба.

– Леди Инари, мы должны сообщить еще один аспект вашего дальнейшего обучения. – Маршал решил покончить с затянувшейся паузой. – Поскольку покровителей у вас трое...

Лорд замолчал, видимо, подбирая слова. Я ждала. Желудок скрутило, но, слава богу, он не заурчал.

– Итак, что еще мне предстоит? – взяла инициативу на себя.

Все-таки кушать очень хотелось, а оконфузиться – нет.

– Ваш срок обучения продлен, – тут же выпалил лорд Карленд си Анрейд.

Не удивлена. Я предполагала, что мне придется задержаться в стенах пансионата. Наверное, это связано с тем, что понадобится больше времени, чтобы определить, в чьи руки достанется мое тело.

– И на сколько? – спросила я, заглушая урчание желудка.

Кажется, никто не заметил.

– Вместо стандартного года, Инари, ты проучишься три. – Вторым покровитель пришел на выручку первому.

– Три года?!

Не слишком ли долгий срок? Но, вспомнив о выбранных покровителями направлениях, сама себе ответила: «Нет, это как раз достаточное время для того, чтобы придумать выход из создавшегося положения». Не знаю, что подумали мои собеседники, когда я лучезарно улыбнулась, но они дружно закашлялись.

Часто кашляют, заболели, что ли?..

– Лорды, это все вести на сегодня? – Мой пустой желудок громко напомнил о себе.

Я покраснела до корней волос. Стыдно-то как.

– Да, Инари, прости...

– Мы более не станем вас задерживать, – перебил Маршал извинения второго покровителя, а жаль, я бы послушала.

Медленно поднялась из кресла, сделала шаг навстречу мужчинам и присела в книксене.

– Благодарю за оказанную милость. Завтра же передам список выбранных предметов сестрам Ордена. – Я опустила голову, не делая попыток выпрямиться.

– Надеюсь на ваше скорейшее выздоровление, леди Инари. – Голос Маршала раздался у самого моего уха.

Когда он успел подойти так близко? И зачем он пусть и невесомо, но провел рукой по моим волосам? Спокойно вытерпела эту неожиданную ласку. И уже не удивилась, когда и другой мужчина пожелал прикоснуться ко мне.

Правда, его теплую ладонь я ощутила явно. Он в отличие от Маршала нежно провел ею по моей щеке.

– До скорой встречи, Инари, – прошептал второй покровитель и торопливо отошел.

Я дождалась хлопка двери и только тогда разогнулась. Господи, спаси и сохрани!

Неужели мне придется терпеть их касания на протяжении всего времени обучения? И как я должна реагировать на их желание меня трогать? Это странно! Нет, объятия и даже поцелуи не возбраняются между покровителем и воспитанницей, но не более. Да и поцелуи – мимолетные и не носящие откровенного характера: в лоб, запястье и щеку. Но ласкать Бледную Моль? У них, случайно, не возникло желания помыть руки? Судя по всему, нет, а жаль! Значит, мои старания прошли даром!

То есть мне придется каждому выражать свое восхищение и почтение. Этому нас обязывает устав Ордена Магнолии.

– Будьте вы прокляты! Ненавижу! – падая в кресло, воскликнула я.

Сейчас, когда я одна в комнате, могу позволить себе роскошь – не сдерживаться. Почему судьба так жестока? Зачем я появилась на свет у аристократки? В том, что моя мать голубых кровей, сомневаться не приходилось. Иначе я бы попросту не оказалась в пансионате покорных, а содержалась бы в одном из многочисленных приютов нашей империи. Отрабатывала бы свое проживание и мечтала о своем доме. Но была свободной! Полностью свободной от желаний лордов и устава Ордена Магнолии! Кому было бы дело до простой сироты низкого происхождения? Кем бы ни были мои родители, уверенность в том, что они живы, никогда меня не покидала. Это только простолюдины отказываются от своих детей под властью смерти. Проще говоря, умирают. Но какая бы нищета ни гнула их спины, свою кровиночку на попечение империи эти люди не отдают.

А мы, незаконнорожденные дочери аристократов, – ценный товар. Товар, а не дети! И трижды проклятыми становятся все «знания для леди», которые мы получаем в этих стенах. Зачем они тому, кто навеки заклеямен позорным – «бастард»?

Во мне бурлила злость. Хотелось разбить что-нибудь вдребезги, но я заставила себя медленно дышать, чтобы успокоиться. Нет, сейчас не самое лучшее время

искать ответы на вопросы. Да и получить их не от кого. Странно, а где же матушка Гелла? Она должна была прийти за мной, чтобы сопроводить на обед. Сама, к сожалению, я не дойду и не поем.

Вдруг мне почудилось, будто кто-то наблюдает за мной. Это ощущение усиливалось. Вскочила с кресла, прислушиваясь к шороху в паре метров от меня.

– Кто здесь?

Никто не ответил, но моя тревога росла.

– Я знаю, что вы в комнате, – стараясь говорить медленно и без эмоций, сообщила неизвестному.

Мгновение, и меня подхватили сильные руки. Успела сделать несколько болезненных вдохов. Кем бы ни был мой визитер, но заботой он не отличался. Мои ребра, сжатые его пальцами, нещадно ныли. Еще секунда, и моя спина врезалась в перину. Зачем он отволок меня в спальню? Не узнать свою кровать я не могла.

Мужчина прижал меня своим телом, его рука скользнула под юбку. Я сжалась в тугую пружину и попыталась отпихнуть его. На моем колене сомкнулись холодные пальцы. Для достойного отпора сил не хватало, но я продолжала молчаливую борьбу, не позволяя мерзким рукам пробраться выше.

Страх окутал мое сознание, но всего один вдох, и... знакомый аромат вскружил голову. Я поняла, кто мой мучитель. Это знание настолько поразило меня, что невольно рассмеялась и перестала сопротивляться.

– Неужели вы наконец поняли, что представляют собой уроки любви? – опустив руки на покрывало, выдохнула я. – Все-таки решили стать моим первым мужчиной?

Глава четвертая

– Первым мужчиной? – замер визитер. – Как такое возможно?

В этот момент мне остро не хватало зрения! С удовольствием бы глянула в наглую рожу третьего покровителя! Мало того что посмел напасть, так еще удивляется моей невинности! Словно он не с воспитанницей Ордена Магнолии дело имеет, а с портовой шлюхой. Как жаль, что даже пощечину не дать! Смелости хватит, а вот с прицелом – проблема.

Лорд ждал ответа, мне же хотелось поскорее спихнуть его с себя. Слишком тяжелый.

– Все воспитанницы пансионата сохраняют невинность до восемнадцати лет, – с трудом дыша, пояснила я. – И вы не могли об этом не знать!

– Разве вы еще несовершеннолетняя? – искренне изумился мужчина, даже не делая попытки встать. – Тогда что вы делали в Красном Доме?

Я поперхнулась воздухом. Нет, каков нахал! Обвиняет меня в том, что все еще являюсь непорочной девой!

«Что делала? Что делала? – мысленно передразнила покровителя... – Приговора ждала!» Тот день сразу всплыл в памяти...

На улице перед воротами пансионата собрали всех девушек, которые не имели покровителя. Нашего появления уже ждали три запряженные лошадьми кареты с плотно зашторенными окнами. Мне довелось ехать в компании директрисы в четвертом, ее личном экипаже, потому что воспитанницы наотрез отказались путешествовать со мной и тем более сидеть на одной скамье. И тому было несколько причин. Нет, обыкновенно меня попросту не замечали. Нахожусь рядом или нет, никого не волновало. Но в день смотрин я расстаралась на славу: натерлась в камерке конюха мазями в несколько слоев, смазала маслом волосы, чтобы пряди висели нечесаной паклей, а также не менее часа гуляла по конюшне, и, конечно, запах навоза пропитал не только одежду, но и кожу.

Да, такого сестра Антония никак не ожидала. Поэтому вместо положенных трех часов, которые она должна была посвятить моему внешнему виду, увидев меня, чинно дожидаящуюся в назначенной комнате в положенное время, хлопнулась в обморок.

В глубине души я радовалась, мямля нечто невразумительное, пока меня полчаса отмывали в ванне. Да только все равно не отмыли. Запах, пусть и не настолько резкий, остался. Волосы по-прежнему смахивали на драную мочалку. Кожа, несмотря на прилагаемые усилия, а по сути яростное трение, даже не покраснела. В итоге локоны собрали в пучок и накрыли безобразной серо-зеленой шляпой. В тон моему платью.

Как я выдержала облако из духов и благовоний – не знаю. Думала – задохнусь, не сходя с места. Но и эта мера ни к чему не привела. Аромат конского навоза все равно дразнил обоняние.

Надо ли говорить, что меня не пустили в главную залу, где местные клиенты, в чье число входили высокородные, ждали представления девушек? Без понятия, что там делали воспитанницы, так как в это время я блуждала по коридорам Красного Дома. Меня восхитил интерьер: роскошный, но не вычурный, в мягких, не кричащих тонах. Но еще больше меня удивило наличие картин на стенах. Их-то я и рассматривала, кажется, вслух делая комментарии. За что и поплатилась, пропустив приближение одной из куртизанок. Думала, что за мое своеволие обязательно последует наказание, но...

Она ничего не спрашивала, просто взяла меня за руку и отвела в маленькую комнатку, где предложила чай и пирожные. Женщина не назвала ни своего имени, ни прозвища, если такое и было. Единственной информацией, скользнувшей из ее уст, стало известие, что и она когда-то была воспитанницей Ордена Магнолии. Неожиданно для себя в ее молчаливой компании я расслабилась, перестав следить за выражением своего лица. Наслаждалась невероятным вкусом восхитительных кондитерских изделий и душистым травяным чаем. Убедившись, что я вдоволь наелась, куртизанка отвела меня в экипаж директрисы, где я и дожидалась остальных.

...А теперь возникает вопрос, если меня тогда не представляли публике, где заметил Бледную Моль этот высокородный мужчина, нагло лежащий на мне?

– Это, несомненно, увлекательная тема для разговора, – прохрипела я, делая судорожный вдох, – но не могли бы вы с меня слезть?

– И не подумаю. – Он слегка отодвинулся ровно настолько, чтобы воздух беспрепятственно поступал в мои легкие. – Мы с вами еще не все выяснили.

– Да?!

Как же я сейчас завидовала змеям! Если бы мои зубы имели яд, точно пустила бы их в ход.

– Вы не ответили, сколько вам лет? – как ни в чем не бывало продолжил допрос главный гад.

Мало того, он вновь провел рукой по моей оголенной ноге! Не сдержалась и пнула коленом. Сдавленный вздох, и его пальцы сомкнулись на моей ягодице. Господи, да как он смеет?!

Догадка вспышкой мелькнула в сознании. Да он специально выводит меня на эмоции! Несмотря на свое поведение, мужчина не делает попыток навредить мне, только вывести из себя! А следовательно, насиловать не станет! И я расслабилась. Просто обмякла под тяжестью мужского тела и вдыхала запах его одежды. Хвойные нотки переплетались с нежностью свежескошенной травы в лучах нещадно палящего солнца – именно такую ассоциацию вызывал у меня парфюм третьего покровителя. Откровенно говоря, этот аромат мне нравился: убаюкивал, успокаивал расшалившиеся нервы и воображение. Я закрыла глаза и позволила волне внезапно нахлынувших видений увести меня в сладкую полудрему.

– Леди Инари, и как это понимать? – опалив мое ухо жарким дыханием, по слогам процедил гад.

Лень разливалась по телу теплой рекой. Мне не то что отвечать, шевелиться не хотелось.

– Инари! – рыкнул мужчина.

– Что? – вздрогнула я.

– Что? – ядовито передразнил он. – Вот уже десять минут на мои вопросы отвечает ваш желудок, а вы...

Тут покровитель сделал паузу, видимо, давая мне проникнуться сложившейся ситуацией. Я прониклась! Честно слово! Что и подтвердил мой желудок дважды.

– Вы бессовестно заснули! – несколько обескураженно закончил визитер.

– Переволновалась, с кем не бывает! И хочу кушать, – покаялась, рассчитывая если не на сочувствие, то на брезгливость.

Не знаю уж каким местом, сложно определить, когда всем телом чувствуешь мужчину, но я поняла: дело дрянь. Гад не просто разозлился, он был в бешенстве! Но что послужило причиной этому? Откровенное признание в том, о чем, по его же словам, мой желудок сам возвестил на всю комнату?! Липкий страх подкатил к горлу. Сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Мой лорд, завтра я стану совершеннолетней, – решила хоть как-то отвлечь благодетеля.

– Завтра?

Покровитель после моих слов, кажется, задумался. Даже встал наконец, даря мне долгожданную свободу.

Вот то, что он знал обо мне слишком мало, радовать не могло. Никак. Что задумала директриса? Обычно покровители выясняют все аспекты, касающиеся жизни выбранной ими девушки. У меня же сложилось впечатление, что информацию обо мне если и давали, то скупую и ограниченную одной тематикой: внешним видом. Отсюда и навязчивые подарки от покровителей: дорогие, но безвкусные платья, украшения и косметика.

– Скажите, какой ваш любимый цвет? – вдруг хрипло спросил мужчина.

Этот простой вопрос поверг меня в шок. Он и вправду интересуется такой мелочью или усыпляет мою бдительность?

– Синий, – прошептала в ответ. – Все оттенки синего.

И тишина... Воспользовавшись неожиданной паузой, я села. Поправила волосы, которые выбились из прически и щекотали лоб и щеки. Встать не пыталась, во-первых, неизвестно, как на это отреагирует посетитель, во-вторых, немного кружилась голова. И виной тому была моя добровольная голодовка. Точнее, дурость. Вчера матушка Гелла за ужином отсутствовала. Естественно, что пансионерки не спешили на помощь Бледной Моли, хотя прекрасно видели, что мне тяжело одновременно держать ровной спину и накалывать на вилку еду и отправлять ее в рот. Человеком, который решил меня накормить, стала Иветта Лармонг. А во мне вдруг разыгралась гордость. Не далее как несколько месяцев назад эта же рука высекла мою спину. Всего три удара хлыстом, но именно это наказание я и не заслужила. Когда истинную виновницу кражи обнаружили, Бледной Моли извинений никто не принес. В общем, я отказалась от помощи директрисы и осталась без ужина. А сегодня еще и без завтрака и, судя по всему, пропущу обед. Жизнь несправедлива!

– Леди Инари, понимаю нелепость просьбы, но... прошу простить за мое поведение. Не могли бы вы забыть о том, что произошло?.. – Его смущенный голос прозвучал для меня как гром среди ясного неба.

«И начать все сначала?» – чуть не ляпнула, но вовремя сдержалась. Кто он, и кто я? Конечно, я забуду этот инцидент. Не стану жаловаться и припоминать о случившемся при следующей нашей встрече. Потому что, как говорил великий полководец, Инор Бритам: «Худой мир лучше доброй войны».

– Мой лорд, вы не причинили мне вреда, – улыбнулась уголками губ, – и я с удовольствием прощаю вашу шутку.

Говоря это, протянула в пустоту руку. Не было уверенности, что он пожмет мою ладонь и уж тем более что поможет подняться.

Тем не менее мою ладонь не просто нежно сжали, но и подарили мимолетный поцелуй! Это действие совершенно обескуражило. Нет, поцелуй был невинным, дань традициям и этикету, но... меня словно молния прошила надвое.

– Леди, почту за честь сопроводить вас на обед, – чуть потянув мою руку на себя, галантно предложил мужчина.

Подчинилась его движению и поднялась с кровати.

– Благодарю, – ответила, внутреннее подбравшись.

Интересно, а он знает, куда нужно идти? Или всерьез думает, что воспитанницы трапезничают в отведенных им гостиных для встречи с покровителями?

Благоразумно проглотив все свои вопросы, предпочла довериться мужчине. Хуже уже точно не станет.

Покровитель вывел меня из комнаты. Я безропотно шла, прислушиваясь к его шагам и окружающей обстановке. На удивление в коридорах было тихо. Вдалеке едва различались голоса воспитанниц, которые за обедом обсуждали, насколько нежным получилось мясо. Такого издевательства мой желудок не выдержал и громко возвестил о несправедливости, выпавшей на его долю. Краска стыда залила лицо. Сколько я еще буду позориться? Впрочем, может, оно и к лучшему?

Но момент, когда мужчина ввел меня в столовую, несомненно, был моим триумфом. Жаль, триумфом, не запечатленным в зрительной памяти. Гробовая тишина, образовавшаяся там, где только что чинно вели светскую беседу, а следом дружный, коллективный стон! Именно стон, не вздох!

Не знаю, что, собственно, они увидели. Я могла только предполагать, какой внешностью наградил бог моего третьего покровителя, но в том, что он произвел неизгладимое впечатление на пансионеров, не сомневалась. Наши с ним встречи проходили в темной комнате, к тому же он еще и сидел вполоборота, а маска на лице открывала лишь губы. Первое время я считала, что он просто уродлив. Но позже пришла к выводу, что он наверняка занимает слишком высокое положение в обществе и подстраховывается, чтобы я не обмолвилась о нем хоть словом. Воистину глупо! Воспитанницы Ордена Магнолии, считай, затворницы. А сестры Ордена – надзирательницы.

Каждая из нас – кладезь тайн и одновременно их могила. В Ордене существует табу: нельзя рассказывать непосвященному о правилах, царивших в пансионе,

тем более о том, кого воспитанница увидела и узнала, как в стенах Обители, так и за ее пределами. Нет, нарушившую запрет девушку не отведут на площадь и не казнят прилюдно. Вместо людей ее покарает перст Бога или дьявола.

Я не могу сказать точно, является эта закономерность проклятием или мощным оберегом Ордена Магнолии, но с теми, кто посмел нарушить обет молчания, происходили несчастные случаи со смертельным исходом. И я не знаю никого, кто, распустив язык, остался бы после этого в живых.

Но вернемся к внешности моего гада-благодетеля. Сейчас, держа его под руку, могу с уверенностью заявить, что он примерно на полторы головы выше меня. Также этот человек не пренебрегает тренировками и фехтованием, а возможно, и борьбой. Несмотря на это, кожа у него мягкая, не шершавая и не грубая. Что явно говорит о том, что мужчина следит за собой.

Ход моих мыслей нарушил умопомрачительный аромат супа из диких голубей. Теперь понятно, почему так старались воспитанницы, зорко следя за каждой своей репликой. Нас не часто балуют подобным деликатесом. В свою очередь, мы выражаем благодарность за кушанье, показывая, насколько усвоили уроки сестры Арии. Желудок вновь заурчал, а голова буквально взорвалась образами того, как я подношу ко рту ложку прозрачного бульона, приправленного сельдереем, морковью, луком, нежным мясом голубя и лапшой.

Захваченная в плен дивными видениями, я пропустила момент, когда сестры Ордена засуетились вокруг меня и моего покровителя. Вообще он не имел права находиться здесь. О чем ему в очень вежливой форме и сообщила сестра Ария:

– Вашей милости накрыли стол в Голубой гостиной. Позвольте проводить вас туда?

Получается, он заранее планировал остаться в пансионате на обед? Тогда для чего извинялся и уходил из моих покоев? Неужели для того, чтобы напасть на меня? Разум отказывался работать, пока я не поем. Поэтому нетерпеливо потянула благодетеля за рукав, напомнив о себе. К сожалению, на ощупь по стенам мне никто не даст передвигаться. Это некультурно, некрасиво и не пристало леди.

Лорд об этом тоже догадался.

– Боюсь, это не входит в наши планы, – хорошо поставленным голосом вдруг сообщил мой покровитель. – В вашем пансионате не предусмотрены слуги для оказания помощи моей незрячей подопечной. Ни одна из вас не возьмет на себя обязанности нянюшки, ведь так?

Я вздрогнула и дернулась в сторону, отпустив руку покровителя, в попытке сбежать, однако ничего не вышло. Цепкие пальцы крепко держали непослушную воспитанницу Ордена Магнолии.

– Поэтому подайте приборы и для меня.

Затем я отчетливо расслышала, как отодвигается стул. Меня же мужчина приобнял за плечи и помог сесть. Стул пододвигал к столу уже не он. Интересно, кто из сестер Ордена, которые всегда дежурили в столовой, снизошел до обслуживания Бледной Моли?

Увы, мне не доведется это узнать, если она сама себя не выдаст. Но нет, в полном молчании покровителю предоставили приборы, и он расположился по правую руку от меня.

Вам когда-нибудь доводилось, изнывая от голода, сдерживаться? Нет? И никогда не пробуйте! Леди должна всегда выглядеть безукоризненно, неважно, идет ли она по парку, где на нее обращены тысячи глаз, или направляется в дамскую комнату припудрить носик. Леди – пример для подражания. Леди не имеет права скатиться до обычной горожанки.

Глубоко вдохнула и медленно выдохнула, мысленно считая до десяти, чтобы успокоиться. Да, организм требует немедленного принятия пищи, а руки желают поскорее вцепиться в ложку и кусок хлеба, но когда за каждым моим движением следит множество глаз, то... Общая молитва была произнесена сестрой Антонией перед обедом, и я на нее опоздала. Поэтому сложила ладони и приложила их к губам, мысленно возведя хвалу Господу за насущный день и посланную пищу. И была несказанно удивлена, когда по завершении моего беззвучного монолога услышала справа:

– Аминь.

– Аминь, – шепотом повторила я.

Боже все милостивый, неужели лорд умеет читать мысли?

– Леди Инари, позвольте помочь вам, – осторожно отталкивая мою руку, которая потянулась к ложке, предложил покровитель.

Усилием воли заставила себя улыбнуться.

– Мой лорд, мне льстит ваше желание, но я не могу позволить, чтобы вы остались голодным, – все с той же милой улыбкой вновь нащупала ложку. – А это, несомненно, произойдет, ведь пока вы будете кормить меня, ваш обед остынет и станет невкусным.

«А если вы продолжите спорить и настаивать, то и мой обед остынет», – тоскливо подумала я.

Уверена, воспитанницы жадно прислушивались к нашему тихому диалогу. Но вмешаться не посмели, точнее, этикет не позволил: никто из них не был представлен лорду. И честь развлекать мужчину выпала мне и сестрам Ордена Магнолии.

Конечно, мне было трудно черпать суп и по невидимой нити тянуть ложку ко рту, но я справилась, медленно наслаждаясь пустым бульоном. Когда и третья ложка оказалась во рту, поняла: все-таки мне суждено остаться голодной.

– И все же... – протянул покровитель, когда я тихо радовалась своей удаче: сумела не только бульоном насладиться, но и лапшой, в малом количестве попавшей в ложку.

– Добрый день, мой лорд, – раздался рядом вежливый голос матушки Геллы. – Я с удовольствием покормлю нашу воспитанницу.

Увлечшись попыткой поесть, я пропустила ее тихие шаги.

Одна из сестер вытащила стул по левую сторону от меня, и его заняла моя названная матушка. Теперь мое сердце было спокойно. Я полностью доверилась

таким родным и нежным рукам.

– Благодарю. – Опустив ложку в тарелку, я лучезарно улыбнулась и повернулась к доброй женщине.

К сожалению, нащупать салфетку на столе не получилось, ибо она, кажется, упала на пол еще в начале трапезы, когда мы с лордом боролись за право обладать моей ложкой.

– Значит, это вы ухаживаете за леди Инари? – спросил мой благодетель с ноткой возмущения в голосе.

– Верно, мой лорд, – вложив мне в руку кусок хлеба, подтвердила матушка Гелла.

Совершенно не стесняясь тех, кто находился в столовой, я расслабилась и открыла рот, позволив себя кормить. Наконец мне представилась возможность ощутить полноценный вкус труда кухарок.

– И где вы были, когда вашей подопечной требовалась помощь?

«Я не поперхнусь, не поперхнусь», – уговаривала себя, глотая очередную порцию мясной запеканки, не прожевав как следует.

– Там, где положено, – спокойно ответила матушка и помогла мне запить кусок, который встал в горле, сливовым соком.

– Поясните. – Голос покровителя не сулил ничего хорошего.

Я внутренне подобралась, готовая в любую минуту встать на защиту названной матушки.

– Вы и двое других покровителей Инари озаботились тем, чтобы виновные в нынешнем состоянии вашей подопечной были наказаны, – отправляя мне в рот очередную ложку, сказала женщина. – Я сопровождала девушек в... их новый дом.

От неожиданности я прикусила ложку. В оглушающей тишине раздался противный лязг. Я притихла. Невероятно! Мои благодетели настояли на наказании пяти пансионеров, пострадавших от моей руки?

– Вот как... – Не видя, я почувствовала, как расплылся в улыбке гад. – Дата казни известна?

Я поперхнулась и закашлялась. Со всех сторон слышались приглушенные перешептывания и такие же каркающие звуки. Значит, не одну меня ошарашило это известие. Господи, неужели воспитанниц возведут на эшафот?

– Завтра в полдень, – сухо бросила сестра Геллара, аккуратно утерев мои губы.

Глаза противно щипало. Разве я могу жалеть этих девиц? Нет, но... не слишком ли жестокое наказание? Кто же мои покровители? Власть Маршала велика, но и двое остальных, судя по всему, не последние люди в империи.

– Простите, мой лорд, – глухо проговорила я, оттолкнув руку матушки от своего рта. – Девушки не заслужили подобной участи. Лишить их жизни, пусть и за преднамеренное нанесение вреда, это...

Договорить мне не дали. С левой стороны мое колено со всей силы сжала матушка Гелла, призывая к молчанию, а с правой – мои губы накрыла ладонь покровителя, что пресекло мою дальнейшую речь.

– Ни слова больше, леди. Мы все обсудим наедине, – еле слышно процедил он.

Глава пятая

Мне стоило огромного труда выдавить улыбку, и еще больше усилий потребовалось на дальнейшие слова:

– Простите, мой лорд, простите...

Только после этого разжались пальцы сестры Геллы на моей ноге. И она, как ни в чем не бывало, продолжила кормление. Несмотря на голод, каждый кусок, попавший мне в рот, вставал поперек горла. Я больше не чувствовала вкуса. Хотелось сбежать отсюда и запереться в комнате. Просто подумать и побыть одной.

Но желания Бледной Моли никогда не сбываются. Будто в тумане, поблагодарила за чудесный обед и попрощалась с присутствующими. Ведомая под руку названной матушкой, никак не могла выбросить из головы мысли о судьбе пяти девушек. Поэтому, когда меня настойчиво подтолкнули в спину и практически силой усадили в кресло, испугалась. Ничего не вижу, и где мы, представляю смутно! К мебели в своей новой комнате не привыкла, и мимолетное касание обивки кресла успокоения не принесло: такой гладкой поверхности мебель в моей гостиной не имеет.

Еще чуть-чуть, и меня охватит паника. Такие моменты уже случались и были бесконтрольными. Словно лавиной, спущенной с гор, меня накрывало с головой липким страхом. И ничего с этим состоянием поделать не могла. Только терпеливо ждала, когда волна схлынет, уступая место ясности ума.

– Милая, мы в Голубой гостиной, – поняв мои метания, поспешила прошептать названная матушка.

– Спасибо, – одними губами прошелестела в ответ.

Не удивлюсь, если они у меня побелели. Сжала руки на коленях, глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце.

– Я бесконечно изумлен вашей наивностью и глупостью, – вдруг раздался раздраженный голос моего покровителя. – Ничем иным я не могу охарактеризовать ваше желание помочь тем, кто покалечил вас.

Сглотнула, сжав передник. Он не имеет права так говорить! Жалость в любом виде неприемлема, но человеческая жизнь – бесценна. Мне совершенно не хочется быть той, кто подтолкнул к гибели других людей. Пусть умом и понимаю, что это не моя вина, свой выбор каждая девушка сделала сама, решив

устроить расправу над слабой, но сердце все равно сжимается.

– И они, судя по всему, неоднократно издевались над вами на протяжении всего времени. – Мой слух уловил скрип половицы, значит, мужчина ходит по комнате. – Теперь мне понятно, для чего вам требовались мази и крема.

Вздрогнула, осознав сказанное. Неужели ему стало известно, что я сама измываюсь над своим телом, лишь бы казаться страшнее, чем есть на самом деле?

– Уверен, раньше вы выглядели иначе, но пансионерки постарались исправить подаренные природой краски! Вы сами-то помните, какой была ваша кожа и цвет волос?

Быть не может! Он решил будто мое уродство – дело рук воспитанниц?

– Скажите, у вас отнимали подарки? – проникновенно спросил благодетель, а затем с сомнением протянул: – Скорее, заставляли возвращать?

У меня отлегло от сердца. Не разоблачена. Повезло на этот раз.

Тишина стала звенящей. Я упрямо поджала губы. Он всерьез считает, что отвечу на эти нелепые вопросы? Как хорошо, что мои глаза ничего не видят. Почему-то уверенность в том, что этот мужчина при желании и душу вытянет, не покидала меня. А так, нет зрительного контакта, нет дополнительного давления на мою психику. Правда, и от его голоса мне не по себе.

– Оставьте это, мой лорд. – Матушка пришла мне на выручку. – Леди не пристало жаловаться. А ее внешний вид... Если и были какие-то существенные изменения, можно со временем восстановить.

– Жаловаться? – втягивая воздух сквозь сомкнутые зубы, просвистел покровитель. – С каких пор избиение поощряется Орденом? И что значит «если и были изменения»? Разве не вы приставлены к леди?

– Верно, честь ухаживать за леди выпала мне, – спокойно ответила сестра Геллара, проигнорировав первую часть реплики высокородного. – Но последние

пять лет я находилась вне стен пансионата.

Я надеялась, что женщина скажет нечто вроде: «Леди росла на моих глазах и всегда так выглядела». Это бы существенно облегчило мое дальнейшее существование: теперь отказаться от подарков станет значительно труднее. Однако ход мыслей вернувшейся так неожиданно женщины остался для меня загадкой.

Сейчас мне было не до обсуждения моего облика и тягот, выпавших на мою долю. Меня беспокоило будущее девушек, которых матушка Гелла куда-то отвезла.

– Мой лорд, – я повернула голову туда, где слышались шаги, – пожалуйста, скажите, что воспитанниц не казнят.

Мой голос звучал жалобно. Я бы и руки в молитвенном жесте сложила, и на колени упала, если бы точно знала, что именно от его слова зависит жизнь учениц Ордена Магнолии.

– И все же откуда столько жалости? – отмахнулся от моей просьбы лорд.

Я мучилась сомнениями и вела внутреннюю борьбу с собой. Чего на самом деле требует моя душа? Так ли важны мне эти жизни? Что готова предоставить взамен? У меня нет ничего равноценного. Или?..

– Мой лорд, несмотря ни на что, мы росли вместе, – решившись, расправила плечи. – Мы не знаем ласки родительских рук, нам никогда не познать материнского тепла. Все, что есть у нас, – это пансионат, который на многие годы стал нашим домом. Что ждет нас впереди – неизвестно, как сложится судьба каждой из нас – загадка, но пока мы держимся друг за друга, не перестаем верить в лучшее и быть счастливыми.

Господи, пусть моя проникновенная речь подействует! Мне не оставалось ничего, кроме как давить на жалость.

Пауза затягивалась.

Вдруг в абсолютной тишине раздался первый всхлип.

– Деточка, – кинулась мне на шею Гелла и очень тихо, едва различимо шепнула: – Умничка.

Следовательно, выбранная тактика оказалась верной. А названная матушка вызвалась подыграть. Существенная поддержка в нелегком деле!

– Мой лорд... – побольше тоски в голосе, – девочки оступились, приняв на веру слова завистливого человека. – Я не лукавила: сестра Риа занималась подстрекательством, и не только меня коснулись ее злоба и зависть.

Таких несчастных воспитанниц, как Бледная Моль, наберется по меньшей мере еще человек пять. Среди них есть те, кто уже выпустился из стен пансионата, а есть и те, кто младше меня.

– Вот как... – Лорд замялся. – Вы хотите сказать, что...

Он замолчал, видимо, давая право договорить мне. Что ж, не стоит высокородного разочаровывать.

– В той ситуации, в которой мы оказались, вина ложится на плечи совсем не воспитанниц Ордена Магнолии. – Больше я не скажу ни слова, пусть додумывает сам.

И неверно, что пансионерки не виноваты. Конечно, мне неизвестны все нюансы их безропотного подчинения сестре Риа, но две из них с явным удовольствием издевались над другими девочками. Тьма в их сердце была видна невооруженным взглядом.

– Простите меня, леди Инари, я невольно задел тему...

Ой, только не говорите, что сейчас этого человека мучает вина и ему неловко от того, что он напомнил мне о моем статусе незаконнорожденной.

– Не стоит, – постаралась улыбнуться как можно искренней. – Прошу вас, сделайте своей подопечной подарок на совершеннолетие... верните мне сестер.

Шах и мат! По щекам покати́лась скупая слеза, матушка Гелла нежно провела по волосам, словно успокаивая меня.

– Вы уверены в своем желании? – Голос высокородного раздался совсем близко, словно он заглядывал в мое лицо.

– Да, – распахнула я незрячие глаза.

– Будь по-вашему, леди Инари, – мягко касаясь тыльной стороной ладони моей щеки, прошептал он.

– Правда? – Я просияла, протянула руку, поймав его пальцы, и быстро коснулась их губами, выражая свою признательность.

Этот невинный жест словно последние силы забрал. Хотела выпустить руку покровителя, но он удержал. Вздрогнула, да вырваться не пыталась. Каким-то странным, чарующим движением мужчина сжал мою ладонь и аккуратно погладил каждый пальчик. Воображение словно прорисовывало каждый последующий жест благодетеля: как он ласкает огрубевшую кожу, как невесомо проводит вдоль запястья к верхней фаланге среднего пальца, вызывая щекотку и заставляя поежиться.

– Пообещайте, что завтра примете мой подарок. – Покровитель вдруг резко отнял свою руку от моей.

– Конечно, – думая о воспитанницах, прошептала я, все еще находясь под властью мурашек от прикосновений мужчины.

– Благодарю, леди. Думаю, вам стоит отдохнуть. Был бесконечно рад нашей встрече.

Это меня тактично выгоняют? Впрочем, противиться нет желания. Мне необходимо побыть наедине с собой. Слишком много информации, которую следует обдумать. К тому же лорду нужно подготовиться к отбытию. Снять маску, под которой скрывает лицо, и переодеться.

– Мой лорд, благодарю за участие в судьбе наших девушек, – произнесла матушка Гелла. – И конечно, я прослежу за тем, чтобы ваша подопечная отдохнула.

Я медленно поднялась с кресла, желая поскорее покинуть общество покровителя. Кривить душой не стану – мне не за что быть ему благодарной. Не стань он моим благодетелем, как и другие двое, и ситуации, в которой оказались сестры и воспитанницы Ордена Магнолии, не возникло бы. Именно их подношения и визиты разожгли адский огонь в сердце сестры Риа. Именно эта троица стала катализатором к тем изощренным издевательствам, через которые мне довелось пройти. До их появления никто ни разу не посягал на мою жизнь и красоту, точнее, уродство. Чаще меня не замечали, чем устраивали показательную порку.

– Мой лорд, – присела в книксене, – благодарю за визит и бесценный подарок.

Мой локоть бережно обхватила женская рука. Безропотно направилась вслед сестре Ордена. Как же я устала от тьмы. Мне безумно хотелось жадно рассматривать все, что попадется на пути. Вместо этого просто брела, ведомая чужой рукой и волей.

– Матушка, – тихо позвала я, – что говорят лекари?

Сегодня утром впервые мне не делали никаких процедур, и это удивляло. Неужели больше ничего нельзя сделать с моей слепотой?

Женщина молчала. И от ее безмолвия паника вновь поднимала свою безобразную голову.

– Скажите же, молю, – отчаянно прошептала я в пустоту.

– Милая, потерпи до своей комнаты, – нежно попросила женщина.

Мне не оставалось ничего, кроме как послушно дожидаться прихода в мои покои. Мне требовалась правда, какой бы горькой она ни оказалась. Неожиданно меня охватил страх. Нет, не из-за истины, которую поведает моя давняя наставница. Испугалась того, что надвигалось на меня. Отчетливо

представлялось, будто навстречу мне идет чудовище. Резко остановилась, замерев на месте.

– Мой лорд, – раздался голос матушки, и она потянула мой локоть вниз.

Женщина хотела, чтобы я присела и поклонилась, но мной овладел безотчетный ужас. Словно водопад он хлестал мои плечи и выворачивал душу наизнанку. Кто бы ни был тот человек, но мне даже его видеть не нужно, чтобы понять – он убийца. Почему так решила, не знаю, однако уверенность возрастала с каждой секундой.

– Пойдемте, – прошептала вместо того, чтобы оказать дань уважения неизвестному лорду, – пожалуйста.

– Это она? – Голос, от которого заledenело все внутри.

Нет, мужчина говорил негромко и спокойно, будто уже знал ответ. Мне неистово захотелось сбежать. Нестись без оглядки туда, где ни его голос, ни он сам не сможет меня достать.

– Да, мой лорд, простите ее, она устала за сегодня, – залепетала сестра Геллара.

Залепетала! И кто?! Та, кто всегда была моей опорой и никого не боялась! Быть не может. Нет, мне показалось. Мне просто показалось.

– Она подходит, – удовлетворенно возвестил лорд. – Без экзамена.

Я отчетливо расслышала хлопок, а затем мой мир взорвался миллионами красок.

Нет, зрение не вернулось, но вместо привычной темноты перед мысленным взором резвилась радуга, нещадно жаля и без того уставшее сознание. Цветные пятна плыли, а вместе с ними уплывала и я. Не хватало воздуха, кружилась голова, хотелось одного: исчезнуть, раствориться. Откуда во мне такое желание? Будто навеянное, навязанное чьим-то желанием... Это не мои мысли. Это точно не я.

Собрав всю волю в кулак, ущипнула себя. Мгновение, и калейдоскоп пропал, возвращая в вечную ночь.

– Да, хороша, – проговорил все тот же незнакомец, – чудо, как хороша. Будет интересно.

– Матушка Гелла, пойдемте, – прохрипела я, горло пересохло, а тело пылало, словно меня засунули в печь.

Нужно вернуться в комнату, стены защитят. Пусть не родные, пусть временный оплот, но там я в безопасности. Эта мысль гнала меня, заставляя тянуть руку наставницы. И совершенно не думать о последствиях своего поведения.

– Леди Инари, придите же в себя!

Что?.. Она назвала меня леди Инари? Как чужую! Сердце, бешено отмеряющее удары, замерло и ухнуло вниз.

– Сестра Гелла! – И это мой рот говорит? – Простите мою бестактность, но, боюсь, поспешить – это необходимость, а не мой каприз.

Меня действительно мутило. И мне абсолютно не хотелось оконфузиться прямо в коридоре.

Не знаю, мой ли ледяной тон подействовал или лицо выдало мое состояние, но, не говоря ни слова, меня буквально потащили вперед. Голова продолжала кружиться, казалось, еще чуть-чуть – и меня вывернет на ходу. А прежде я попросту свалюсь на пол.

Этого не произошло. Скрипнула дверь, оповещающая, что мы достигли цели.

– В ванную комнату, пожалуйста, – прошептала я, из последних сил удерживая рвотные позывы.

После того как мой желудок избавился от обеда, матушка Гелла умыла меня и уложила в кровать. Сама же присела рядом и нежно провела рукой по распущенным волосам. Ее ласка успокаивала расшалившиеся нервы.

– Милая, – позвала она, – Расскажи, что произошло перед тем, как ты перестала видеть?

Намного больше мне хотелось знать, что говорят лекари, а не вспоминать произошедшее в классе. Прикрыла веки, восстанавливая в памяти события нескольких недель назад. Вздрыгнула и резко распахнула глаза.

– Викки, огонь поджигала она, но... – я замялась, не зная, как сказать так, чтобы меня не приняли за сумасшедшую, – но видеть я перестала раньше, чем почувствовала жар на лице.

– Раньше? – переспросила матушка и вновь погладила по голове.

– Да... я смотрела в глаза Викки, они у нее такие черные... Помню, как удивилась, что даже зрачки отличить не могу... И все... темнота.

Понимаю, как глупо звучат мои слова, но все было именно так. Черноокая Викки, которая упрямо поджимает губы, и блеск ярости, на секунду мелькнувший во тьме ее глаз. А затем мой мир резко лишился красок. И такая ненависть овладела мной, что отсутствие зрения не сыграло особой роли. Собственно, в тот момент Тиара лишилась передних зубов, а у меня в пальцах остался клочок ее волос.

– Все будет хорошо, теперь все будет хорошо, – издалека раздался голос матушки Геллы.

Видения завладели моим воображением, и я не обратила внимания на то, что женщина отошла от кровати.

– Милая, приподнимись, – ласково попросила она. – Мне нужно дать тебе лекарство.

Я даже не вздумала сопротивляться, наоборот, вострепелась и выполнила просьбу. Удобно расположившись на подушках, положила руки поверх одеяла.

– Выпей, моя хорошая, – придерживая мой затылок и поднеся к губам чашку, сказала наставница.

Вкус у снадобья был отвратительный: непонятные пряные травы в совокупности с ромашкой и зверобоем. Очень хотелось запить эту отраву. О чем я и сообщила, уж слишком вяжущим оказалось лекарство. Названная матушка дала мне вдоволь напиться прохладной водой.

Откинувшись на подушки, я поняла, что нестерпимо клонит в сон, хотя несколько мгновений назад спать совершенно не хотелось. Неужели в это снадобье добавили снотворное? Но для чего? Время послеобеденное, а не вечернее. Может, для того, чтобы мой организм лучше воспринял лекарство?

– Спи, милая. – Нежная рука погладила мои волосы.

Последнее, что уловило ускользающее сознание, – как сестра Гелла поправляла одеяло.

Мне снился странный сон. Будто я по-прежнему лежу в моей спальне, но не одна: матушка Гелла с какой-то женщиной ведут приглушенный разговор.

– Ты уверена, Геллара? – недовольно спросила незнакомка. – Впрочем, это легко проверить.

– Знаю, такого давно не было, – зашептала наставница, – но у нас две преждевременные инициации.

– И вторая имеет темный дар... – задумчиво протянула собеседница. – Когда у нее...

Остальную часть фразы я не смогла разобрать, зато ответ услышала:

– Думаю, чуть меньше года.

– Плохо... – Женщина выругалась на чужом языке. – В сторону, Геллара, пора вытягивать ее из тьмы.

Мое тело было деревянным. Я чувствовала касания незнакомки, но сама пошевелиться не могла. Чувствовала бархат кожи и холод ее пальцев, которые

прошлись по моим сомкнутым векам и остановились на висках.

Все внутри запротестовало против ее манипуляций. Пусть я и понимала, что это всего лишь сон, но остро не желала, чтобы она ко мне притрагивалась.

– Отвергает, – прошипела женщина. – Как же не вовремя умерла Лилит!

– Ваше... – Приглушенный всхлип названной матушки острой шпилькой отозвался в груди.

– Потом, – оборвала ее женщина. – Последствия будут непредсказуемы, Геллара.

– Но...

– Выбора нет, – жестко отрезала она, а ее пальцы с силой надавили на мои виски. – Змеюка за все ответит, двух чарити упустить!

– А...

– Помоги мне, нужно убрать остатки.

Дальше мне снилась непонятная дребедень. Я от кого-то убегала, пряталась в темных переулках и вновь срывалась на бег. Мне казалось, остановись я, и мое сердце замрет и больше не заведет свою барабанную песнь. Все вокруг слилось в одно сплошное пятно. Дыхание сбилось, а шляпка слетела с головы и осталась сиротливо лежать на каменной мостовой. Новый переулок и тупик! Резко развернулась и застыла. Передо мной стоял мужчина, лица которого как ни старалась, но рассмотреть не могла. От него-то я и пыталась сбежать.

– Дитя, – скрипучим голосом позвал он и протянул ко мне свои руки.

Рассудок не выдержал очередной накатившей волны паники, и я завизжала, тонко и пронзительно.

– Дитя! – Сквозь ужас, сковавший мое тело, поняла, что меня трясет матушка, пытаюсь разбудить. – Тебе приснился кошмар.

Не сдерживаясь, я разрыдалась на ее плече.

– Тише, девочка, тише, – утешала женщина. – Это просто дурной сон, успокойся.

Я все еще всхлипывала, а сердце бешено отмеряло удары. Как давно мне не снились кошмары! Одно время именно они были моими ночными спутниками. Сколько сил прилагала наставница, чтобы избавить меня от них. Да только снотворное оказывало плохую услугу, женщина не могла разбудить Бледную Моль, а вот ужасы продолжали держать в плену уставший за день мозг. Наутро вспомнить, что же мне грезилось, ни разу так и не смогла. Но тело словно хранило в памяти страх и боль, которые испытывало во сне. Ночные кошмары перестали мучить меня примерно через полгода после отъезда матушки Геллы. И вот они вновь ворвались в мою жизнь. Больше не будет спокойных ночей. Так просто эти ужасы меня не отпустят.

– Поспи еще, милая, – прошептала матушка, а я вздрогнула и крепче вцепилась в женщину. – Скоро рассвет, поспи еще.

– Рассвет? – удивилась, не давая опустить себя на подушки. – Но...

– Тебе нужен отдых, не страшно, что проспала ужин, – все же уложила меня матушка. – Утром будет плотный завтрак.

– Не уходите, умоляю. Мне страшно засыпать, посидите со мной, пожалуйста.

Одна из комнат Красного Дома

Мягкий свет, льющийся от двери, слегка разбавлял полумрак, царивший в комнате. На ложе, застеленном шелковыми простынями, сидел полуобнаженный мужчина. Легкие, свободного покроя штаны, голый торс с бисеринками пота и накачанный пресс давали простор возбужденному воображению, босые ступни довершали картину, радуя глаз плавностью линий и аккуратной формой

пальцев.

– Вы уверены в своем выборе, мой лорд? – проникновенно спросила женщина, лежащая у ног мужчины. Она грациозно приподнялась на локтях, удобнее устраиваясь на белом ковре, и, словно невзначай, повела плечами, позволяя светлым локонам скользить по ее коже, приковывая взгляд собеседника к груди и набухшим соскам.

– Я не меняю своих решений, – замороженный совершенным женским телом, хрипло произнес он.

Блондинка прикрыла глаза и облизала нижнюю губу.

– Вы хотите для нее такой жизни?

Не это ожидал услышать лорд. Его поразила горечь, которая пропитала каждое слово куртизанки.

– Лизетта, – нараспев протянул он, словно пробуя на вкус каждую букву ее имени, – у нее такой жизни не будет.

Мужчина откинулся на подушки. Его больше не интересовало тело женщины. Но он хотел знать ответы.

– Расскажи... – потребовал лорд.

– Что именно вы хотите знать? – покорно опустив голову, прошептала Лизетта.

– Неужели искусство любви настолько пугает? – ухмыльнулся он.

Лорд не мог видеть, как она полностью опустилась на ковер и сжалась в комочек. Ее приглушенный голос звучал переливом колокольчиков.

– Пугает? – Женщина коротко рассмеялась. – Для юных девиц нет ничего страшнее, чем оказаться в стенах, подобных этим. Каждая из нас сгорала от любопытства и страха. Волнующе, интригующе. Мы чувствовали себя оскверненными.

Ее слова, словно приговор, эхом раздавались в голове мужчины.

– Мы свыклись с мыслью, что наше обучение – такое же неизбежное зло, как и смерть. Но позже, несомненно, любая из нас пришла к мысли, что смерть – это ценнейший подарок, ниспосланный Богом, чтобы наконец оборвать наши страдания.

– Лизетта, ты переигрываешь, – рыкнул мужчина. – Не верю, что среди вас не было тех, кому данное обучение нравилось.

– Были, – не стала спорить женщина. – Они пугали нас больше, чем вид голого мужчины.

Ее злой смех насторожил лорда. Неужели Лизетта сломалась и сдалась? Вот уже больше полугода он единственный ее клиент. Лорду льстило, с каким трепетом и восторгом она благодарила за оказанную милость. Он освободил ее от необходимости стонать под другими мужчинами. Впрочем, в пользу этого сыграло его эго, яростно не желавшее, чтобы к его женщине прикоснулся кто-то еще. Он не привык делить своих любовниц.

– Мы не могли понять их интереса. Не могли вообразить, что предначертанный путь вызывает у них восторг.

– Ты говоришь «мы», но так думаешь только ты, – осадил куртизанку лорд.

– Возможно. – Опять горькая покорность. – Незаконнорожденная воспитанница Ордена Магнолии – лакомый кусочек для такого заведения, как это. В нас течет кровь благородных леди и лордов. Мы не оскверняем утонченного вкуса высокородных.

– Лизетта, – покачал головой лорд, внутреннее соглашаясь с ее словами.

Так оно и было. Юных отпрысков аристократических семей приводили сюда не только для того, чтобы они впервые познали женское тело, но и чтобы они не прикасались к черни, к коим относились все, в ком не текло хоть капли высокородной крови.

– Ты ошибаешься, осуждая своих подруг, – произнес он. – Они познали женщину в себе. Согласились с ее желаниями и потребностями. Приняли свою сущность такой, какой она есть.

– Мой лорд, – удивленно протянула Лизетта.

– Ледышек из числа высокородных леди хватает, – хмыкнул он. – Думаешь, к вам идут только за развлечением? Ты за столько лет не поняла мужчин?

Он сам не понял, почему сорвался и не мог найти оправдания тому неведомому чувству жалости к этой хрупкой фигурке. Мужчина будто окунулся в мрачный мир очаровательной спутницы и увидел ее нежелание жить. Это знание настолько ошеломило его, что на лбу выступил пот.

– Те, кто приходит сюда, ищут не только впечатлений и удовольствия, они идут за тем, чего не получают дома. Хоть один обидел вас? Обращался жестоко?

Лизетта покачала головой. Ни один из клиентов не позволял себе грубости, наоборот, с ними обращались трепетно, будто куртизанки были фамильной ценностью.

– Твоя обида на разбившиеся мечты девочки, которая желала любить и быть любимой, не так ли?

Женщина вздрогнула и резко поднялась с пола. В ее глазах горел огонь некой решимости, чего-то, что она хотела скрыть, но передумала. Не было плавных движений, она двигалась рывками, будто птица, бьющаяся в силках охотника.

– Вы говорите о любви? – глухим голосом переспросила она. – О чувстве, которое сметает все на своем пути, охватывает тело и отравляет разум, сжигает все желания, оставляя лишь одно – дышать избранником?

Запрокинув голову, Лизетта расхохоталась. Лорд зачарованно следил за начинающейся истерикой куртизанки.

– Сохрани меня господь от любви! – оборвав смех, прошептала женщина. – Я видела, к чему она приводит.

Она сделала шаг в сторону, прикрыла глаза.

– Моя обида... Мой лорд, вы ошиблись, мне не на кого обижаться. – Ее губ коснулась легкая улыбка. – Мне позволено только ненавидеть.

В этот момент она распахнула свои зеленые глаза, которые вмиг потемнели, напоминая по цвету малахит.

– Кто дал вам право распоряжаться чужой жизнью? Только оттого, что мы напоминаем вашему греху, вы лишаете нас обыкновенного человеческого существования! Один лорд, искавший утешения в моих объятиях, заявил, что однажды уже видел эти глаза, видел эту улыбку... много лет назад!

Лизетта рухнула на пол и уже оттуда горько продолжила:

– Тот лорд не знал, что молоденькая служанка, к которой он воспылал чувствами, понесла от него. Новорожденную девочку отобрали у матери и скрыли от отца ее существование. Мой кровный дед собственноручно подписал приговор всем нам.

– Род Лерстарьи... – потрясенно прошептал мужчина.

В его памяти вспыхнуло событие, шокировавшее все общество. Единственный сын, наследник рода, застрелил отца, а позже повесился сам. Так вот что послужило причиной чудовищного преступления...

– Переспать с собственной дочерью! Плавиться в руках кровного отца! – рыдания душили женщину.

– Довольно! – вскакивая с кровати, потребовал лорд.

– Ни одного из высокородных не заботит, что стало с их дочерьми. Бастарды – отбросы, вечное напоминание о позорной слабости!

– Лизетта, очнись! Ты сама себе противоречишь. – Мужчина поднял ее с пола и, сев на кровать, бережно прижал к себе. – Успокойся, милая.

– Он думал только о себе, – приглушенно ответила женщина. – Его нет в этом мире, а я должна жить и помнить.

– Ложись, тебе нужен отдых, – аккуратно укладывая куртизанку на подушки, нежно сказал он. – Я позову Серену, тебе нужна помощь.

Мужчина бросил мимолетный взгляд на мокрые от слез щеки блондинки, накрыл ее покрывалом и поднялся с ложа.

– Мой лорд, – звонкий голос Лизетты настиг его на пороге, – когда она пройдет обучение, изменится настолько, что и сама себя не узнает. Это будет совершенно иной человек. Но... если она станет чарити, как и две другие воспитанницы во время моего обучения, то ни вам, ни одному из покровителей не видать ее как своих ушей. Девочка обретет свободу, которую никто не сможет отобрать. И полученные знания останутся при ней. Помните это, мой лорд.

Неожиданно раздался грохот. Вздвогнув, мужчина повернулся и тут же отшатнулся. Лизетта была мертва. Невероятно! Как можно было скатиться с кровати и упасть, свернув шею? Резко вдохнув, он подошел ближе, чтобы опровергнуть собственные мысли. Но один взгляд на распахнутые и пустые глаза женщины лишил его надежды. Какая нелепая смерть...

– Покойся с миром, девочка, – закрывая ее веки, прошептал лорд.

Вдруг его обоняние привлек аромат магнолии. Лизетта никогда не пользовалась подобным парфюмом, следовательно, запах навеянный! Но кем?

Аккуратно убрав покрывало, мужчина изучил тело женщины. Наконец он нашел то, что искал: практически исчезнувшую, но все еще источавшую аромат цветка руну. Когда-то он уже сталкивался с подобным. Лизетта нарушила клятву молчания. Но что из сказанных ею слов является бесценным и сокровенным знанием?

Всего на секунду лорд замер, а затем поднялся и, не оглядываясь на тело мертвой любовницы, вышел.

Глава шестая

Шаловливые солнечные блики беззастенчиво прыгали по моему лицу. Просыпаться не хотелось катастрофически. Вместо того чтобы протянуть руку и нащупать колокольчик, который бы предупредил сестер Ордена о моем пробуждении, я перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку. После ночного кошмара сновидений больше не было. Честно говоря, я не ожидала, что смогу уснуть еще раз. И все же мне удалось не только задремать, но и хорошенько выспаться. Чувствовала себя просто чудесно, пусть и немного лениво.

Тишина в спальне не удивляла. Скорее всего, матушка Гелла распорядилась, чтобы меня не тревожили, а посему никто не спешил будить Бледную Моль. Хотя кто-то раздвинул тяжелые шторы, впустив свет морозного солнца в полумрак комнаты.

Не знаю, сколько мне дадут поваляться в кровати, но звать никого не собиралась. Мне выпал шанс обдумать и свое положение, и поведение наставницы.

Уже несколько дней меня не покидало ощущение, что она сильно изменилась. Вроде и интонации голоса прежние, и нежность рук та же, но что-то не так. Конечно, все можно было списать на долгую разлуку, однако я привыкла доверять своей интуиции. И если мое сердце тревожно сжимается от предчувствия, значит, в действительности меня ждет неприятный сюрприз.

Помню, сестра Гелла всегда рьяно скрывала мою внешность, не давала пропускать сеансы натирания тела и вытравления натурального цвета волос. А ведь несколько раз я бунтовала, не желая подчиняться ее воле. Со мной никто не хотел играть, меня никто не замечал. И мне, девочке, привыкшей к пристальному вниманию, это не могло понравиться. Аргументом, послужившим безропотному смирению перед издевательствами над телом, стало обещание названной матушки, что я обрету семью. Это в период моего детства. Уже позже это обещание заменилось обещанием получить свободу от Ордена Магнолии и

самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Интересно, почему моя память хранила воспоминания всеобщего восхищения, но не оставила ни одного момента, где бы ко мне обращались по имени? И жалкие попытки вспомнить имя, данное мне при рождении, превращаются в нестерпимую боль, словно тысячи острых игл вбиваются в сознание. Даже сейчас, когда я мимолетно подумала об этом, в голове будто тревожный колокольчик сработал, отдаваясь болезненным эхом.

Но теперь поведение наставницы разительно отличается от того, к которому я привыкла. Взять хотя бы ее рассуждения и требования касательно моего образа и действий, когда мы с ней не наедине: никогда не забывать свое место; никогда не делать больше, чем положено; никогда не вступать в споры; быть всегда незаметной; не забывать пользоваться косметическими средствами; всегда держать мысли при себе и прежде чем показывать свое отношение к ней, убедиться, что нас никто не видит.

Итак, что мы имеем в итоге? Первое, взять крема и мази мне неоткуда, а матушка Гелла перестала их поставлять. Следовательно, моя настоящая внешность медленно, но верно восстанавливается. Уверена, что понадобится не один месяц, чтобы измученный мазями и кремами организм вернул прежний облик. Для чего ей возвращать то, что она так долго скрывала, для меня остается непостижимой загадкой. Второе, пусть она отошла от одного запрета, попросту сняв его, но вступать в споры я по-прежнему не должна. О чем красноречиво говорил ее жест во время обеда: сжатие моей ноги под столом. Третье, я неоднократно нарушила правило о выказывании истинных чувств к ней при посторонних. Ей это не понравилось, и она одернула меня ледяным обращением. И все же явное противоречие бросается в глаза. Она первая начала выказывать Бледной Моли то отношение, которое привыкла получать леди Инари. То есть я, но та, которая была сокрыта от чужих глаз.

Мне тяжело давалась двойная роль, казалось, что меня словно поделили на ту, что позволяет издеваться над собой, и ту, которая должна отстаивать свое мнение.

«Инари, не смей плакать, ты не в классе, – тоном, от которого у меня сжималось сердце, говорила матушка Гелла. – Я знаю, что ты можешь ударить в ответ».

Не могла, потому как в роли нападающего выступала женщина, которую я воспринимала не иначе, как родную мать.

«Инари, Бледная Моль осталась за дверями этой комнаты, – напоминала она, беря в руки очередной метательный снаряд, – слезы и мольбы оставь для других. Поднимайся, Инари, вы сегодня это проходили. Ты должна отработать удары».

И так было каждый раз, когда я пыталась предстать перед ней в образе Бледной Моли. Пощады ждать не стоило. Она была жестче, чем все учителя, вместе взятые, и несговорчивее, чем пансионерки. Между тем только от нее мне доставалась ласка и нежность. Только с ней я могла позволить себе выплеснуть все, что творилось на душе. И только с ней могла поделиться наблюдениями, сделанными за день.

Так однажды мне пришло в голову, что у сестры Анрессии есть возлюбленный. Почему я сделала такой вывод? Все просто. Ранее скупая на эмоции женщина словно обрела крылья и витала в облаках. Она спустила рукава вела лекции и, поддавшись непонятному для меня на тот момент порыву, заступилась за Бледную Моль, хотя всегда делала вид, что ничего не замечает. Но не это стало причиной, побудившей меня задуматься о личной жизни сестры Ордена Магнолии.

Фактором, который сыграл решающую роль в моем подозрении, стал ее ничем не прикрытый интерес к одному из покровителей. Она под любым предлогом оставляла Марианну после лекций. А та, в свою очередь, рассказывала пансионеркам, чем они занимались наедине. И на месте девушки меня бы остро взволновал вопрос, с чего бы сестре Ордена, которой запрещено иметь мужа, не говоря уже о любовнике, интересоваться мужчиной и личными беседами с воспитанницей.

И я оказалась права. Сестра Анрессия действительно тайно встречалась с покровителем Марианны. А ее беременность послужила поводом для изгнания женщины из Ордена Магнолии. О том, что леди ждет ребенка, мне уже рассказала наставница. Помню, как возмущалась несправедливому отношению к еще не рожденному младенцу. Конечно, он станет бастардом. Но даже если родится девочка, в стены пансионата ей не попасть. Сестру Анрессию лишили не только теплого и хлебного места, но и недвижимости, которая имелась у нее за пределами Ордена. Матушка Гелла в этом вопросе была категорична, заявив мне, что правила и традиции, существующие веками, возникли не на пустом месте и чтить, а также соблюдать их – прямая обязанность каждой из сестер. Те, кто приходит сюда работать, идут на это осознанно, соглашаясь с имеющимся

устоем. И нужно обладать непомерной глупостью, чтобы пытаться обмануть главу Ордена.

Не знаю, в качестве кого хотел получить Марианну ее покровитель, но в итоге он отказался от попечительства над девушкой. Что касается самой воспитанницы, она не сильно огорчилась, потому что ее сразу же взял под свое крыло высокородный лорд. Радость пансионерки была запредельной, и ее ни капли не заботило, что стало с сестрой Анрессией и бывшим благодетелем.

А вот меня съедало незнание и мучила совесть. Впрочем, до мужчины мне не было никакого дела, но доля сестры Анрессии волновала несказанно. Тем более я ощущала свою вину, и она только усилилась, когда мне довелось узнать правду.

Бывшая сестра Ордена Магнолии утопилась. От нее и ее ребенка тот господин, который покровительствовал Марианне, отрекся. И она свела счеты с жизнью, так и не подарив этому миру очередного бастарда.

Матушке Гелле пришлось очень постараться, чтобы привести слишком впечатлительную девочку в порядок. Это я о себе говорю. Известие о смерти леди Анрессии настолько потрясло меня, что я замкнулась в себе. У меня больше не было желания делиться ни своими соображениями, ни переживаниями. Бледная Моль спряталась в раковине, как жемчужина, и не желала оттуда вылезать. Мне не хотелось даже разговаривать. Моя память хранит ту боль, которая точила мое сердечко, как и мысли, постоянно крутящиеся в голове. Мне столько раз представлялось, как я никогда не произношу те слова о сестре Ордена Магнолии наставнице. Представлялось, будто женщине удалось сохранить в тайне и свою беременность, и отношения с одним из покровителей. Мой безутешный мозг рисовал новорожденную. Почему именно девочку, я не отвечу даже сейчас.

Но слово, однажды вылетевшее из уст, обратно не вернешь. Оно будто птица, улетевшая ввысь. Единственное, что подвластно в будущем, – это не совершать вновь подобной ошибки. И с тех пор я каждое свое слово, сказанное посторонним, вначале тщательно взвешиваю в уме. Правда, в последнее время следить за своей речью дается все тяжелее. Слишком легко вытягивают из меня покровители эмоции, заставляя поддаваться сиюминутному порыву, а не голосу разума.

И так больше не может продолжаться. Да, пока мои глаза погружены во тьму, совместное обучение с пансионерками невозможно. Особенно все, что касается практических предметов. Однако теоретическую часть я могу и с удовольствием выслушаю, пусть и не сумею сделать записи.

Неизвестность всегда пугает. Но стоит научиться встречать любые препятствия с поднятой головой и расправленными плечами. Для меня все еще остаются загадкой мотивы матушки Геллы, не позволяющие мне вести ту жизнь, к которой привыкла, но это не значит, что я позволю ей вновь изменить правила игры. Бледная Моль до конца своего обучения останется Бледной Молью. И на данный момент мне нужно вернуться в привычный ареал обитания. Другими словами – в серпентарий.

Вздыхнув, поползла к краю кровати, чтобы достать колокольчик. Мне все так же требуется посторонняя помощь. А вот если бы не упивалась жалостью к себе, то провела бы эти дни с пользой, обучаясь самостоятельно делать простые на первый взгляд вещи. Мне пришлось свеситься с кровати. Одна нога болталась в воздухе, а ладонь шарила по поверхности тумбочки. Все никак не привыкну к высокой перине, было бы здорово опереться пяткой о пол. Не дай бог, еще свалюсь. И как в воду глядела! Свободной рукой вцепилась в подушку, но все равно полетела вниз.

Перед глазами поплыли круги: ярко-желтые с красноватым отливом. Так отчетливо видела их, что резко зажмурилась. Тут же полились слезы. Глаза нестерпимо щипало. Я села, прижавшись спиной к кровати. Может, мои действия были неправильными, но не удержалась и стала яростно тереть саднящие веки.

«Да что ж такое!» – воскликнула мысленно. Слезы не прекращались, как и покалывание, очень хотелось не просто потерять глаза, а вытащить их наружу, настолько зудящей была боль. Нужно добраться до ванной комнаты и сполоснуть пылающее лицо.

Поднялась на ноги, сделала пару шагов к стене, но была остановлена ударом открывающейся двери. Я вновь полетела на пол и во второй раз пребольно стукнулась головой.

– Инари?! – Голос матушки Геллы вклинивался в уплывающее сознание. – Ария, беги за целителем!

Последнее, что уловил мой слух, – это стремительно приближающиеся ко мне шаги.

Покои наследного принца Северной Ирмены

– И как это понимать, Анкорн? – вкрадчиво спросил мужчина, расслабленно сидящий в кресле.

Его нетерпение выдавали пальцы, постукивающие по коленке. Он был зол и желал получить не только ответы на свои вопросы, но также логическое объяснение тому, что произошло в пансионате Ордена Магнолии.

– У меня к вам тот же вопрос, Ваше Высочество, – выгнув бровь, парировал молодой человек, чей решительный взгляд не уступал холодности синих глаз принца.

Некоторое время молодые люди молча смотрели друг на друга. Первым не выдержал Алерайо.

– Анкорн, друг мой, и сколько времени ты собирался скрывать свое... хм, новое увлечение? – Издевательский тон наследного принца мгновенно пробил брешь в безупречной маске вице-канцлера.

– Не смей оскорблять леди Инари! – прошипел молодой человек.

– Позволь спросить, кто запретит мне это делать? – Губы Его Высочества расплылись в насмешливой улыбке.

– Как минимум Первый Маршал этой страны, – сжимая кулаки, ответил Анкорн.

– Этой страны? – прищурился мужчина. – Впрочем, продолжай... А как максимум?

Вице-канцлер резко откинулся на спинку кресла. Алерайо, как и всегда, издевается над ним, вызывая его на эмоции. Забава, которая никогда не наскучит принцу.

– Как максимум, Ваше Высочество, я! – глядя перед собой пустым взглядом, произнес Анкорн.

– Ты? – Принц рассмеялся. – Названный брат, я не замечал за тобой такого самопожертвования... или, скорее, глупости.

Конечно, в Северной Ирмене не найдется ни одного здравомыслящего человека, который посмел бы перечить наследному принцу, и уж тем более ни у кого не могло возникнуть мысли перейти ему дорогу. Это вице-канцлер прекрасно знал и ранее сам посмеялся бы над глупцом, бросившим подобное в лицо Его Высочеству. Однако для него все изменилось, и он не имел права опускать руки или бояться. Не сейчас, когда титул и власть принца не играли особой роли. В Ордене Магнолии существуют собственные законы, повлиять на которые не может даже император. Все три покровителя, невзирая на свой статус в обществе, оказались равны.

Им пошли на небывалую уступку, как заявила директриса Ордена, позволив вмешаться в ход расследования о нападении на их воспитанницу. И единственное, что действительно разрешили сделать, так это приговорить главную подстрекательницу к смертной казни. И то лишь потому, что она больше не являлась членом Ордена Магнолии. Директриса за несколько дней до аудиенции выгнала эту женщину из пансионата.

Что касается воспитанниц, напавших на леди Инари, то их дальнейшую судьбу вершили сестры Ордена. Покровителей клятвенно заверили в том, что к их подопечной ни одна из этих девушек больше не подойдет и не прикоснется.

– Я, Ваше Высочество, – пристально глядя в синие глаза, подтвердил молодой человек. – Воздержитесь в моем присутствии от оскорблений в адрес юной воспитанницы Ордена Магнолии.

– Ты так настойчиво просишь, – задумчиво протянул принц. – Неужели эта уродина настолько тебе нужна? Пожалей Катрин, заменить ее этой убогой...

– Хватит! – рявкнул Анкорн. – Я выслушал достаточно.

– Раньше я бы подумал, что леди Инари твоя сестра... – словно не замечая злость друга, продолжал Алерайо. – Слишком похожа ее улыбка на улыбку леди Лилит. И это бы объяснило твое заступничество и покровительство. Однако девочка давно бы достигла совершеннолетия...

– Ваше Высочество!

– Да-да, я был не прав, посмеив в мыслях очернить прекрасную леди ди Серрейя. – Принц поднял руки вверх, словно примиряясь со своим проигрышем. – Ну же, Анкорн, признайся, зачем ты опекаешь эту страшилку?

Тон наследного принца был игривым, сейчас он не дразнил друга, а по-доброму подшучивал над ним.

– Возможно, я бы признался тебе, как обычно, спросив твоего совета, – прикусив губу, произнес молодой человек. – Но не сейчас, когда и ты являешься одним из покровителей леди Инари. Я слишком хорошо тебя знаю, Алерайо, и какой бы весомой ни была моя причина, ты не отступишься от того, что заинтересовало тебя.

– Помимо меня еще есть Маршал, – напомнил принц. – Но с ним ты любезнее, чем с другом детства.

– В отличие от тебя лорд Карленд также обеспокоен будущим леди, – холодно парировал вице-канцлер. – А учитывая выбранное тобой направление учебы, иначе как игрушку ты девушку не рассматриваешь.

Последнюю фразу молодой человек практически выплюнул. Он не скрывал ни свою злость на поведение и требование друга, ни раздражение от того факта, что наследный принц так же, как и Маршал, участвует в гонке за ценный трофей, каким для всех является воспитанница Ордена Магнолии.

– Интересное предположение, Анкорн, – после паузы произнес Алерайо. – Но шутки в сторону. Зачем она тебе? Я жду!

– Ваше Высочество требует ответа от своего подданного или интересуется планами друга? – тихо уточнил Анкорн.

– Мы могли бы объединиться, – глядя в потемневшие глаза собеседника, проигнорировал вопрос принц. – Ты прекрасно знаешь, что леди Инари достанется кому-то одному.

– И это будешь не ты, – поднимаясь с кресла, твердо произнес вице-канцлер.

– Ты ведешь себя глупо. – На этот раз принц не пытался иронизировать.

Поведение друга беспокоило его. Ранее названный брат не перечил ему и не держал от него тайн. И если бы не выбор направлений для юной воспитанницы Ордена, ему бы не довелось узнать, кто еще помимо него покровительствует девушке.

Четыре месяца назад Алерайо честно предупредили, что заинтересовавшая его пансионерка уже имеет двух высокородных покровителей, но наотрез отказались назвать их имена. В тот момент наследный принц решил: кем бы ни были эти люди, в любом случае они уступают ему и беспокоиться не о чем. Однако день, когда воспитанницы напали на леди Инари, стал для него днем, полным сюрпризов.

Его лучший друг, названный брат, единственная сердечная привязанность, тот, кого он искренне считал частью своей семьи, не только был вторым покровителем, но и ни разу за все время даже словом не обмолвился о своей причастности к пансионерке Ордена Магнолии. И этот факт неприятно поразил наследного принца. Намного больше, чем возможная слепота подопечной. Подобный разговор между ними происходит в третий раз, и если до этого мужчины только отшучивались на вопросы друг друга, то сейчас пора выкладывать карты на стол, иначе от многолетней дружбы не останется и следа.

– Моя ошибка. Я все еще считаю тебя маленьким мальчиком, хотя ты уже давно вырос. И требовать от тебя откровенности так же нелепо, как и видеть твои

попытки отдалиться от меня, – вставая, произнес Его Высочество. – Анкорн, я встретил леди Инари в Красном Доме.

– О! – воскликнул вице-канцлер и, сжимая кулаки, прошептал: – Они не имели права!

Наследный принц нахмурился. Он обязательно узнает, что имеет в виду его друг, немного позже.

– Но ее покровителем я стал относительно недавно, пусть с первой встречи и прошло больше года.

Принц прикрыл глаза, словно хотел восстановить в памяти образ девушки, сначала неприятно поразившей его. Слишком худая фигурка, наряженная в зеленое платье, которое словно специально подчеркивало серость кожи и темные круги под глазами. Такого же цвета шляпка, плотно сидящая на макушке и скрывающая от глаз волосы незнакомки.

Алерайо покрутил головой, будто желая прогнать это видение. Сколько бы отворачивания ни вызвало уродство воспитанницы Ордена Магнолии, но ее особенность подмечать детали и делать правильные выводы не могла его не заинтересовать. Она рассматривала картины. Обыкновенные пейзажи и натюрморты... Что в них могло быть особенного? На первый взгляд совершенно ничего, однако...

– Она нужна мне, Анкорн, – резко втягивая воздух, произнес он.

– Зачем? Очередная постельная игрушка? – ядовито спросил вице-канцлер. – У тебя их тысячи, стоит лишь пальцем поманить, и любая сделает все, что пожелаешь!

– Повторяю, я встретил ее в Красном Доме! – Принц оборвал злую речь друга. – Если ее и так учили этому, то зачем менять направление?

– Она невинна!

– Уже знаю, – отмахнулся Его Высочество.

– Значит... мне не показалось, – вспыхнул Анкорн. – Ты не ушел из ее комнаты, а спрятался!

– Не показалось, – пожал плечами принц. – И все равно считаю, что правильно выбрал направление.

Вице-канцлер на мгновение замер. Его лицо исказила гримаса отвращения. Секунда, и он взял себя в руки. И только потемневший взгляд выдавал настроение мужчины. Он словно что-то решил для себя.

– Ваше Высочество, я не знаю, для чего вам нужна эта пансионерка, могу лишь догадываться, – не отрывая глаз от принца, чопорно начал мужчина. – Однако вы стали покровителем девушки, заранее не поинтересовавшись порядком и правилами Ордена. Вас нисколько не озаботил вопрос защиты подопечной, о чем красноречиво говорят ваши подарки. Даже наличие одного высокородного покровителя моментально делает девушку мишенью для насмешек и издевательств.

Лорд Анкорн сделал паузу, изучая бесстрастное выражение лица принца.

– И я, и лорд Карленд, прежде чем заключить договоры с Орденом, ознакомились с его уставом и правилами. Опережая твой вопрос, скажу: нет, до того дня, когда на леди Инари напали, мы ни разу друг друга не видели. Но выбор направления обучения Маршала пусть и несколько странен, тем не менее дает гарантию того, что воспитанница научится защищать свою жизнь. Ты пытался привести меня к мысли, что именно первый покровитель леди Инари является моим врагом, но в свете последних... откровений я склоняюсь к тому, что для меня Маршал станет союзником.

– Анкорн...

– Ваше Высочество, я должен покинуть вас, – глядя на настенные часы, сухо бросил молодой человек. – Через пятнадцать минут у меня назначена аудиенция у Его Императорского Величества.

– Свободен!

Лорд Анкорн ди Серрейа поклонился и быстрым шагом направился к двери. Только после того, как хлопнула дверь, наследный принц позволил себе выругаться.

– Мальчик мой, я же тебе говорила... – усталый женский голос раздался от окна.

– И как много ты слышала? – оборачиваясь, спросил мужчина.

– Все, – выходя из-за штор, ответила женщина.

– И зачем, мама?

– Неправильный вопрос, – иронично улыбнулась леди и села напротив сына. – Я должна знать, зачем тебе воспитанница Ордена Магнолии.

– Как и прежде, ты не услышишь ответ на этот вопрос.

– Вот как, думаешь, готов к войне?

– О чем ты?

– Ты так ничего и не понял. Сын Лилит оказал тебе небывалую услугу, подсказав, как нужно действовать, чтобы выйти победителем в вашем противостоянии.

– Мама, перестань говорить загадками. Анкорн – хороший мальчик, успокоится, хорошенько подумает и...

– И не придет к тебе, – жестко закончила леди. – Он только что дал тебе понять, что жизнь этой девушки ставит выше вашей дружбы.

– У меня есть ты, – выгнув бровь, сказал принц. – Я знаю, что ты являешься членом Ордена Магнолии.

– О нет, мой дорогой и любимый мальчик, – рассмеялась леди. – На мою поддержку рассчитывать глупо.

– Почему же?

– Я хочу, чтобы за эту девочку ты поборолся наравне с другими мужчинами, – поднимаясь, ответила женщина. – Изначально я планировала помочь, но то, с каким упорством ты ищешь легких путей и совершенно не думаешь головой... убедило меня в обратном. Нет, Алерайо, если воспитанница нужна тебе, сам найди способ и как приручить ее, и как защитить. Впрочем, о последнем ты даже не задумывался.

Леди топнула ножкой, на мгновение комната погрузилась во тьму. Еще секунда, и снова вспыхнул яркий свет, озаряя покои, где прежде находились двое, а сейчас остался лишь принц. Женщина исчезла.

Глава седьмая

В себя я пришла рывком. Будто я получила мощный толчок изнутри, заставивший меня вскочить. Все мое существо затопила невероятная вонь. Обвела комнату взглядом в поиске той гадости, что издавала противный запах, и... встретилась с обеспокоенным взглядом голубых глаз. И только через мгновение до меня дошло, что я прозрела! Пусть мутно, словно в густом тумане, но я видела! Это знание ошеломило и оглушило одновременно. Я смотрела, как шевелятся губы целительницы, понимала, что она что-то мне говорит, однако ничего не слышала. Мой мир взорвался красками, резко нахлынувшими на уставшее сознание.

– Леди Инари, – будто издалека донесся голос матушки Геллы, – вам нечего бояться, все позади.

Я не понимала смысла сказанного, пока не обнаружила себя вжавшейся в подушки. Неосознанно отпрянула от лекаря и поджала ноги. На мгновение смежила веки. Страшила мысль, что зрение опять меня покинет. Но шли секунды, текли минуты, а тьма не возвращалась. Болезнь отступила!

– Спасибо! – Я расплылась в улыбке. – Спасибо!

По щекам потекли горячие слезы. Только Господь знал, какой камень висел на моем сердце и какое облегчение принес мне этот день.

– Что же вы, леди Инари, – протягивая белоснежный платок, мягко укорила лекарь. – Такая радость, а вы плачете. Будет вам, мне нужно осмотреть ваши глазки.

Она разговаривала со мной, будто мне вновь было пять лет и я разбила коленки, когда бегала по двору пансионата.

Я широко улыбнулась женщине, но слезы никак не хотели останавливаться. Через несколько минут мне все же удалось успокоиться и насухо вытереть щеки и веки. После этого лекарь попросила приблизиться к ней, что я и сделала. Вдруг комнату залил яркий свет, я невольно вздрогнула и зажмурилась. До этого окно было закрыто плотными шторами и мы находились в полумраке, а теперь в мою спальню ворвались лучи зимнего солнца.

Когда я основательно проморгалась и привыкла к освещению, лекарь начала осмотр. Ее холодные пальцы скользили по моему лицу, то широко раздвигая веки, то наклоняя мою голову под разными углами во все стороны. Она что-то шептала себе под нос, но мне так и не удалось различить ни единого слова.

Наконец женщина отстранилась.

– Несколько дней делайте примочки, – обратилась она к сестре Гелле, которая стояла у двери. – Возможны мигрени, шишка на затылке небольшая, но удар был сильным. Если станет хуже, сразу обращайтесь к нам.

– Конечно, – заверила ее названная матушка. – Пойдемте, я вас провожу.

Женщина собрала свои принадлежности в небольшой ларец, поднялась и поспешила на выход.

– Благодарю! – крикнула я ей вслед.

Эти слова полетели в спину лекаря, и, судя по всему, она их не расслышала, так как не обернулась. Вздохнув, я вновь расплылась в дурацкой улыбке. Я могу видеть! Разве это не чудо?! Хотелось петь и танцевать, прыгать и скакать. Последнее из желаний решила исполнить незамедлительно. Ликование охватило меня, и казалось, ничто не сможет омрачить моего радужного настроения. Но, как и всегда, Бледная Моль ошиблась.

– Инари, что ты делаешь? – прервав мои хаотичные подпрыгивания на кровати, воскликнула матушка Гелла, вернувшись в спальню.

«Радуюсь!» – хотелось крикнуть мне, но... бросив взгляд на женщину, я плавно опустилась на одеяло. Мое веселье испарилось.

– Тебе стоит поторопиться и привести себя в порядок, – тоном, не терпящим возражения, произнесла она. – Я счастлива, что твое зрение вернулось, но подготовку к балу никто не отменял.

Ежегодный выпускной бал! Как я могла про него забыть, если мне впервые позволено стать его участницей? Кивнув, медленно сползла с кровати. Пока шла к ванной комнате, чуть не запнулась о подол ночной рубашки. Самое интересное, что пока я прыгала, он мне не мешал, а вот пройти несколько метров спокойно не дал.

Оказавшись за дверью, выдохнула. Я умилилась наличию рычагов, которые подают горячую и холодную воду прямо в большую белоснежную ванну. Раньше в моей камере была только холодная вода, поступающая тонкой струйкой в ржавый умывальник, спрятанный за тонкой ширмой от койки. Мыться приходилось в общей душевой комнате для прислуги. Такие помещения есть на каждом этаже пансионата. И, к сожалению, я не единственная девочка, у кого не было своей ванной. Это еще один признак, отличающий пансионерок, у которых есть покровитель. Мне же, судя по всему, сказочно повезло, раз даже имеется набор полотенец из нежнейшей ткани. Обо мне всерьез решили позаботиться?

Конечно, спасибо стоит сказать моим высокородным благодетелям. Интересно, что же раньше меня не переселяли и не оказывали столь повышенного внимания моему телу? Неужели считали ошибкой свое покровительство? А может, я просто чего-то не знаю?

Но все мысли о мотивах моих надзирательниц вылетели из головы, как только я увидела отражение в зеркале.

Такого просто не могло быть! Моя внешность совершенно не изменилась! Лишь слегка потемнели корни волос. Я вплотную подошла к зеркалу и с замиранием сердца стала себя разглядывать. Так не бывает. Матушка Гелла купала меня все дни моей слепоты, а все крема, которыми она пользовалась для ухаживания данной мне природой красоты, имели специфический запах, не узнать их было невозможно. Поэтому я уверена, что она перестала портить мою кожу и волосы.

Но тогда почему я до сих пор уродлива? Почему не начала восстанавливаться кожа? Почему не возвращается естественный цвет волос? Неужели мой организм как земля, которую из года в год вспахивают, и слой плодородной почвы истощается? Мое тело перестало бороться с отравляющими его снадобьями? Я навсегда останусь Бледной Молью? Меня затрясло, по щекам вновь полились слезы. Может, именно потому названная матушка перестала меня мазать, что процесс стал необратимым?

– Инари, у тебя все хорошо? – раздался за дверью обеспокоенный голос дорогой мне женщины.

– Да-да, – убирая ладонь ото рта, как можно спокойнее сказала я.

– Разрешешь тебе помочь?

– Нет, матушка Гелла, я справлюсь, – поспешила заверить ее и повернула рычаги, пуская горячую воду.

Быстро стянула с себя ночную рубашку и панталоны. Поежилась от прохлады и полезла в ванну. Воды набралось совсем немного, потому первые пять минут стучала зубами от холода. Когда вода достигла середины ванны, наконец согрелась и расслабилась. И чего я так расстроилась? Ну, уродина, и что? Можно подумать, я не привыкла к этой внешности. Конечно, хотелось бы верить, что однажды мой организм справится с отравляющим его веществом, а пока мне это даже на руку. Во-первых, вернись ко мне прежний облик, это бы привлекло ненужное внимание со стороны сестер Ордена, а также появились бы вопросы, на которые я вряд ли захочу отвечать. Но, зная методы наших воспитательниц, которые далеки от гуманности и сострадания, правду бы они узнали. И тогда,

помимо меня, пострадали бы ни в чем не повинные люди. Те, которые содействовали изменению моей внешности, однако не были прямыми исполнителями. Во-вторых, зависть пансионеров станет сильнее и, следовательно, надзор кураторов и учителей усилится, чтобы, не дай бог, их жемчужина не пострадала и не потеряла своей красоты. А это означает конец свободе, пусть и условной. Помня жалобы Илириты, которую даже в туалет водили под конвоем, такой радости себе точно не желаю.

И в-третьих, знание о том, что подопечная, которую выбрали мои покровители, не уродина, существенно испортит мне дальнейшее обучение. Где гарантия, что первые двое не отзовут свои решения касательно моих направлений, а наоборот, поддержат третьего благодетеля и пожелают поскорее заполучить в свои руки фарфоровую куколку? Нет, я уже привыкла к мысли, что обучаться мне придется три года. За это время, надеюсь, многое изменится.

Наскоро обтерев свое тело мочалкой с мыльным раствором и промыв волосы, я поднялась из ванны. Мое настроение стремительно улучшалось. И чего я хмурилась? Ко мне вернулось зрение! Разве не самый лучший подарок ко дню рождения?

Да, сегодня мне исполнилось восемнадцать лет. Совершеннолетняя.

Покрутив головой в поисках чистого нижнего белья и сорочки, наткнулась взглядом на прямоугольный сверток из белой ткани. Желания разворачивать его почему-то не было. Есть замечательная поговорка: любопытство сгубило кошку. Мне, конечно, было интересно, что же внутри, но я не стала прикасаться к неизвестному предмету. Мало ли для чего его сюда положили, хотя довольно странно, если учесть, что данная комната принадлежит мне. Поэтому, вновь обведя взглядом пространство, обнаружила искомое. Быстро оделась и поспешила из ванной.

– Инари, – удивленно протянула матушка Гелла, – что с твоей одеждой?

«А что с ней не так?» – мысленно подивилась, но промолчала.

– Зачем ты сорочку натянула?.. – Женщина прищурилась. – Ты не стала открывать подарок?

– Подарок? – Это она о том странном свертке?

– Именно, от твоего покровителя. Так же к нему есть изумительное платье, я уже его подготовила.

– Еще и платье? – сглотнула, ожидая самого худшего.

– Конечно, оно очень тебе понравится. Будь умницей, вернись и переоденься. У нас мало времени.

Внутренне вздрогнув, снова вошла в ванную. Мне не нравилось поведение женщины. Она была какая-то чужая, далекая от того образа, который сохранился в моем сердце. Если глаза говорили мне, что это матушка Гелла, то сердце рвалось на части, отрицая причастность этой дамы к ней. Дрожащими руками я распаковывала неожиданный подарок. Кто из покровителей прислал его?

Когда я содрала с пестрой коробки ленту, чуть не вскрикнула. Моему взору предстали нежные, как перышко, творения модисток. Но... Это белье слишком откровенное для пансионерки Ордена Магнолии! Неслыханная наглость – делать такие подарки! Я никогда не принимала одежду от покровителей не только потому, что бунтовала против порядков и устава пансионата, но и от когда-то крепко-накрепко вбитой матушкой Геллой истины: мужчина, одевающий женщину, имеет полное право ее раздеть! Подарить юной девушке нижнее белье – это не просто небывалая дерзость, это оскорбление!

– Так и знала, что у тебя возникнут проблемы, – спокойный голос той, о которой я только что думала, раздался позади меня. Я резко обернулась. Наставница стояла в дверях и, сощурившись, смотрела на мои руки, прижатые к груди. – И чего ты испугалась, глупышка? – улыбаясь, спросила она. – Тебе разве не понравилась ткань?

– Я не понимаю... – пролепетала я, безуспешно пытаюсь справиться с робостью. – Я ничего не понимаю.

– Верю, – согласно кивнула женщина и закрыла за собой дверь.

Мне резко захотелось выбежать в гостиную. Туда, где было больше места, больше воздуха.

– Инари, у нас действительно мало времени, – подходя к коробочке и доставая тончайшее великолепие, произнесла она. – Мы обо всем с тобой поговорим, но позже.

– Я не могу принять этот дар, – взяв себя в руки, твердо заявила я и сделала шаг к двери.

– Ты обещала, что примешь, – возразила женщина.

– Обещала?

– Верно, своему покровителю.

«Третий покровитель! – стрелой промчалась мысль. – Так вот кому я обязана подобным унижением!»

– Он прислал и платье? – Варианты отказа бились в голове, словно птицы в клетке. В маленькой и тесной клетке.

– Да, – разворачивая панталоны, подтвердила она.

– Лорд взял с меня обещание принять лишь один подарок. Я выбираю платье, – не скрывая облегчения, выдохнула я. – От нижнего белья отказываюсь.

– Лорд подарил тебе пять жизней, Инари, – сухо заметила женщина, и я сдалась.

В полной тишине позволила раздеть себя и обернуть свое тело в шелк, который приятно скользил по коже.

– Значит ли это, что конкретно от него мне стоит ожидать пять даров? – почему-то дрожа, спросила у наставницы.

– На данный момент их всего два, – затягивая шнурки на бюстье, выдохнула она. – Но, думаю, ты права.

Нежная на ощупь вязь кружев плавно ложилась на пышную грудь. Меня смущал тот факт, что слишком много пространства на теле оставалось открытым. Панталоны были чуть ли не на ладонь короче тех, которые сиротливо лежали в плетеной корзине для грязного белья. Бюстье едва доходило до талии, в то время как привычное для пансионерки белье полностью закрывало живот и часть бедер.

Матушка Гелла заканчивала со шнуровкой, а у меня в голове крутилась одна мысль: что еще ждет меня?

– Инари, твой покровитель немного опередил события, делая этот подарок, – вдруг сообщила наставница. – Начиная со следующей недели вам всем обновят гардероб.

– Обновят гардероб? – прошептала, отступая от женщины.

– Именно. Леди должна привыкать к изысканным вещам, будь то одежда или маленькая безделушка, – несколько резче, чем требовалось, поведала названная матушка.

– Конечно, белье будет не столь роскошным, как то, что на тебе, но степень открытости... будет несколько смелее.

– Несколько смелее? – в ужасе уставилась на женщину. – Мы будем ходить практически голыми?

Матушка Гелла поджала губы.

– Всему свое время, Инари, – словно ставя точку в нашем разговоре, припечатала наставница. – Идем.

Она первой покинула ванную комнату, я смиренно последовала за ней. Господи, пусть наше дальнейшее обучение окажется не таким ужасным, как это представляется мне сейчас! Через что предстоит пройти каждой из нас? Какие

унижения должны будем проглотить? И сколько на самом деле стоят наши жизни?

– Смотри, какая красота!

Слова матушки Геллы застали меня врасплох. Резко затормозив, чуть не врезалась в нее. Женщина держала в руках изумительное платье. Цвет весенней листвы, начинающийся с ворота и рукавов, плавно переходил в темный изумруд струящейся юбки.

Я рассматривала этот шедевр и не могла понять, что же меня смущает. Нет, то, что оно предназначалось для вечера, а не, к примеру, утреннего туалета, было понятно. На первый взгляд платье более чем пристойно: плотная ткань, закрытая спина, длинная юбка, не имеющая разрезов, лишь форма декольте для меня несколько непривычна.

– Ты не можешь понять, что с ним не так? – вдруг подмигнула мне матушка Гелла. – Я подскажу, к нему не прилагаются дополнительные нижние юбки.

Вот оно, противоречие! Вечернее платье, не имеющее пышной юбки, – я таких раньше не видела.

– Оно будет облегать твою фигуру словно вторая кожа, – подтверждая мои мысли, произнесла наставница. – Такие платья носят при дворе, Инари. И половина женщин отдали бы душу дьяволу, лишь бы примерить его.

– При дворе?! Мой покровитель занимает настолько высокое положение?

– Инари, – вмиг подобралась женщина, – твой покровитель настолько богат, вот закономерный вывод.

– А еще один закономерный вывод, что вы не единожды бывали при дворе, раз так хорошо разбираетесь в придворной моде! – впилась я взглядом в свою наставницу.

– На этом дискуссия окончена. Я не видела тебя пять лет, но складывается ощущение, что передо мной совершенно другая девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lyubimka_nastya/istoriya-blednoy-moli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)